

МОЯ ОБИТЕЛЬ

Эмили Ли

18+

Эмили Ли

Моя обитель

«Автор»

2023

Ли Э.

Моя обитель / Э. Ли — «Автор», 2023

Таинственное послание, которое приведёт её к месту крушения надежд... Черeda смертей, что нужно расследовать по просьбе комиссара... Юный служитель Создателя, за которого собралась замуж младшая сестра, и к которому она испытывает странное притяжение... Всё это затягивает её в водоворот из собственных непозволительных чувств, тайн и опасности... выплыть бы...

© Ли Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	41
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эмили Ли

Моя обитель

Глава 1

*Королевство Иллинуя, г. Кравин.
35 год Нового мира.*

*«Уж лучше море слез,
Чем океаны лжи».*

Эвелин в очередной раз перечитала недавно подброшенную записку и указанный под этой странной строчкой адрес, который вел её в соседнее к Кравину поселение. Вариант, что в том месте её ждала засада, существовал, конечно: по роду своей деятельности она много кому была неужидна – но женщина всё равно решила последовать загадочным указаниям.

Свою лошадь она привязала у подножия холма. За безопасность животного можно было не беспокоиться, шансы, что до него доберутся монстры, минимальны: маги королевства недавно зачищали окрестности. Был в этом и минус для Эвелин, меньше ей работы. За некоторые части монстров неплохо платили лекари и ведьмы.

Женщина быстро взобралась на возвышенность, с которой открывался вид на нужное ей поселение. Несмотря на безветренный день, было довольно зябко. Эвелин поправила свою теплую кофту, что частично выглядывала из-под зеленой куртки, подтянула повыше массивные перчатки из толстой кожи и устремила взгляд на простирившиеся у подножия холма дома.

Зеленые глаза цепко следили за обстановкой, пытались уловить хоть что-то необычное и понять, что её должно в этом месте расстроить. ... *Уж лучше море слез...* В том, что сообщение личное, адресованное именно ей, она не сомневалась.

– Море слез и океан лжи... – пробормотала Эвелин и нахмурилась.

Загадки любила, но не такие, не по отношению к себе. В уме перебирала всех людей, которые в той или иной мере были ей не безразличны. Мать, младшая сестра, подруга... Но что они могли такого скрывать, что расстроило бы Эвелин? Да и что они здесь могли делать? Может, всё-таки засада?

Эвелин нашла взглядом самое большое строение, это и был дом главы, от него обычно шла нумерация. Дважды отсчитав до нужного ей здания, номер которого был указан в записке, женщина ещё больше нахмурилась. Ничем не приметный дом. Жилой. Об этом всё говорило: белье, развешанное на просушку во дворе; куры, бегающие в загончике сбоку; аккуратные грядки маленького огорода; добротно-сложенный сарай... Тут определенно жили люди... Но какое отношение имеет к этому она?

Розыгрыш? А цель? Да и представить того смельчака, который додумается так над ней пошутить, было сложно.

Ошибка? Есть только один способ узнать. Проверить. А потом найти того, кто подкинул записку ей под дверь дома, и отрезать ему пальцы, чтоб не повадно было.

Эвелин раздраженно откинула свои растрепавшиеся рыжие волосы назад. Спуск вниз был энергичным. Хотелось покончить с этой непонятной и незапланированной прогулкой и вернуться домой.

Её лошадь лениво жевала траву, хозяйку встретила скучающим взглядом. Эвелин ловко забралась в седло, нетерпеливо сжала бока животного и устремила к поселению, притормозила только на въезде. Попадающиеся на пути жители бросали на неё заинтересованные взгляды и расступались, провожали глазами. И она понимала почему. Кайми, наемницы, в этих краях редкость. Подобные ей обитали ближе к Гиблому лесу, где даже спустя столько лет нового правления водились монстры. Там и работы больше, да и платили лучше. В своё время Эвелин тоже промышляла в тех краях, но случайно попав в шумный, суетливый приграничный Кравин на востоке королевства Иллинуя, поняла, что нашла своё место. Этот город и стал её домом. Да и меньше конкуренции.

У нужного дома Эвелин спешила. Звать хозяев не спешила. Решила сначала осмотреться. Ухоженно. Ничего не сломано, не перекопилось. Чувствовалась мужская рука. Рука хозяина. Всё продумано. Строго, но как-то уютно. В таком доме когда-нибудь с удовольствием смогла бы и она зажить. Чем-то напомнил ей отчий, который остался далеко на севере королевства.

На заднем дворе пасся довольно крупный конь, который точно не работал в полях. Такой красавец мог быть только боевым товарищем. Она невольно залюбовалась им. Очень похож на Прута, коня Рокфорса, её мужчины. Та же масть и такой же окрас. Даже светлое пятно на темном боку у животного такое же.

Сердце застучало чаще, начиная волноваться раньше, чем мозг успел сопоставить и принять столь неожиданный поворот. Эвелин сжала руки в кулаки, взгляд метался по территории мирного и ухоженного участка, по крепкому одноэтажному дому с красивой террасой, где стояли два кресла, выдавая привычку хозяев сидеть вечерами и смотреть на небольшую лужайку перед домом, на которой лежали игрушки... детские игрушки...

Эвелин покачала головой, усмехнулась абсурдности посетившей только что мысли. Рокфорс и семья? Она знала его уже несколько лет, столько же и состояла с ним в отношениях. Он наемник, как и она. Сам себе хозяин. За что платили, то и выполнял. Охота, найти пропавшего, наказать обидчика, припугнуть, чтобы вернули долги, зачистить территорию от монстров, если те одолевают уже сейчас, а маги королевства заняты...

Рокфорс жил в Налии, в крупном городе, что находился почти в самом центре их королевства. Мужчина периодически бывал в Кравине и всегда навещал её. Однажды она предложила съехаться, чтобы видеться чаще, но у Рокфорса больная мать, которую он не хотел перевозить, боялся, что та не перенесет путешествия. Последние месяцы Эвелин стала поду-

мывать о возможном переезде в Налию самой. С Кравином, конечно, было жаль расставаться, но видеть Рокфорса хотелось чаще, чем пару раз за месяц, вырывая несколько хороших дней между постоянными заказами.

Ладный темноволосый мальчуган лет пяти выбежал из-за дома. Увидев незнакомку, резко остановился и немного попятился назад, собираясь позвать старших.

Эвелин поспешно подняла руки, показывая, что неопасна, и выдавила из себя самую дружелюбную улыбку, на которую была только способна.

– Я шла мимо и увидела красивого коня, – женщина придала голосу мягкости. – Он очень мне понравился. Сразу видно, что будет другом любому воину. Вот и решила узнать, не продают ли его? Я ведь воин, – она повернулась боком, демонстрируя закрепленный там меч.

– Это конь моего папы, – ответил ребенок, настороженность в его голосе была, но первоначальный испуг на лице уже прошел.

– Твой папа, видимо, тоже отличный воин, – слова почему-то давались с трудом, вызывая внутри горечь. – А как его зовут?

– А зачем вам имя моего папы?! – недоверчиво произнес мальчик, а потом спохватился и быстро добавил: – Мама не разрешает мне говорить с незнакомцами!

Он повернулся к ней спиной, собираясь уйти в дом.

– Нет-нет! – воскликнула она. – Ты не понял! Я спросила, как зовут вашу красивую лошадку!

Он удивленно обернулся, лицо просияло. Эвелин знала ответ раньше, чем с губ ребенка слетело то проклятое слово.

– Прут! Его зовут Прут!

Горечь в её душе сменилась обжигающей болью, как от удара хлыстом.

– Котенок, с кем ты там говоришь? – из окна выглянула миловидная светловолосая девушка. Заметив Эвелин, она поспешила выйти из дома, ребенка взяла за руку и завела за себя. – Простите, вы к нам по какому-то делу? – сказала она воинственной на вид незнакомке.

Эвелин молча разглядывала соперницу. Соперницу? Судя по кольцу на пальце той, законную жену. Милая. Мягкие черты лица, пухлые губки, большие глаза, маленький аккуратный носик. Низкого роста с приятными формами, пышной грудью. Как любят мужчины. Юная. На вид ей было года двадцать три. Может, чуть больше.

Пауза затягивалась, и хозяйка дома стала нервничать.

– Я вас знаю? – спросила она с опаской поглядывая в сторону дома, намереваясь там скрыться.

– Нет, – вымолвила Эвелин. – Зато я, кажется, знаю вас.

Осознание собственной глупости ранило не меньше, чем открывшаяся правда. Перед ней стояла та самая «больная мать», из-за которой Рокфорс не мог переехать в Кравин. Было бы смешно, если бы не так грустно.

– Рокфорс дома? – громко спросила Эвелин, возвращая голосу твердости, а взгляду холод и решимость. И то и другое обычно служило предупреждением: соваться к ней не стоило.

– Позови отца, – испуганно сказала мать мальчику, подталкивая его в дом.

Её страх доставил Эвелин мстительное удовольствие. Всё верно. Надо бояться. Не только правды, способной разрушить счастливую жизнь этой юной девы, но и меча, который с легкостью может оборвать саму жизнь.

– Эвелин! – воскликнул подошедший мужчина, тут же переводя взгляд на свою жену, с ужасом всматриваясь в её лицо, пытаясь понять, знает или нет та его тайну.

– Ну здравствуй, Рокфорс, – насмешливо и весьма бодро поприветствовала его Эвелин.

– Кто это? – пролепетала жена Рокфорса, пугаясь бледного лица супруга и его реакции на опасную незнакомку.

– Знакомая воительница, – уже спокойнее ответил мужчина, бросая предупреждающий взгляд на гостью, – работали вместе. – Эвелин презрительно хмыкнула и махнула головой, призывая отойти в сторону. Рокфорс снова посмотрел на жену и сказал: – Я скоро вернусь. Просто обсудим дела. А ты возвращайся на кухню, иначе суп весь выкипит.

От простых, обыденных фраз Эвелин заскрежетала зубами, захотелось выяснить отношения при всех. От столь мучительно разгорающегося желания всё крушить и ломать её спас брошенный на мальчика взгляд. Ребенок не виноват, что его отец – подлец.

Остановилась Эвелин только за пределами поселения, где уже никто не мог её услышать.

– Когда ты собирался мне сказать? – холодно спросила она. Ничего умнее не пришло в голову.

Он стоял и смотрел на неё. Молчал. Да и что можно было сказать? Как оправдаться? И существуют ли эти оправдания?

Высокий, могучего телосложения, суровый воин. Он казался ей достойной парой. Эвелин тайно гордилась тем, что нашелся человек, которого не отпугнула её сила и самостоятельность, её образ жизни. Мужчина, с которым она впервые задумалась о чем-то большем. Мужчина... который всё время лгал ей.

Эвелин яростно сжала пальцы в кулаки, сдерживая рвущийся изнутри, такой нехарактерный ей порыв закричать, расплакаться, заставить его извиняться и оправдываться, умолять её не уходить.

– Эви... – вымолвил он. – Послушай, я знаю, ты злишься...

Эви. Короткий вариант имени вызвал у неё внутри лаву возмущения и новую порцию душевной боли. Эви. Так называл он её в порыве страсти.

– Но я даже рад, что ты всё узнала, – продолжил Рокфорс, подходя ближе и сжимая её локоть в своих пальцах. – Знаю, надо было сказать тебе с самого начала, тогда и не было бы сейчас этого неловкого момента. Просто сначала соврал по привычке, а потом признаваться стало как-то неуместно.

– Неловкого момента... – оторопело повторила она, всматриваясь в его серьезное лицо и не веря своим ушам, – неуместно?

– Теперь мы сможем нормально проводить время без всяких недомолвок и глупых притворств.

– Нормально проводить время... – снова повторила Эвелин и несколько раз моргнула, а затем больно ущипнула себя за ногу, пытаясь проснуться от затянувшегося кошмара.

– Ну да, нам же было хорошо, Эви...

Он дотронулся до её подбородка. Это подействовало отрезвляюще.

– Не смей произносить моё имя своим поганым языком! – выпалила она. – Ещё раз увижу тебя в своем городе, отрежу яйца! Понял?! – сквозь зубы проговорила воительница, зло сузив глаза.

– Не бросалась бы такими словами! – насмешливо ответил Рокфорс, отступая от неё на шаг.

– Я тебя предупредила! – с ненавистью в голосе сказала Эвелин и отвернулась, вставила ногу в стремя, собираясь забраться на свою лошадь и оставить всю грязь этого момента позади.

– Обиделась? Ты же не всерьез думала, что я тебя в жены возьму?

По её телу пошли мурашки, холодя кожу. Эвелин показалось, что её и без того растрепанные волосы встали дыбом. Она медленно вернула ногу на землю и так же медленно развернулась.

Рокфорс, что всматривался в её потрясенное лицо, вдруг рассмеялся.

– Что? Правда что ли? – продолжил он. – Seriously? Ты рассчитывала, мы с тобой будем семьей? Детей заведем? – Увидев, промелькнувшую в её глазах боль, искренне удивился и хлопнул себя по ноге. – Да, ладно тебе! Эви! Ты же всегда отличалась умом и сообразительно-

стью! Ну какая может быть семья? В самом деле! Посмотри на себя! Тебе тридцать пять! Ты кайми, наемница, которая может в любой момент погибнуть или от рук разбойников, или от когтей монстра. Секс...

Он недоговорил, Эвелин ударила его кулаком в лицо. Эффект неожиданности позволил ей нанести под дых ещё один мощный удар, но от третьего – мужчина всё ж успел увернуться.

– Успокойся! Пока кто-то не пострадал, – зло проговорил Рокфорс, принимая боевую стойку.

– Именно этого я и хочу, – ровным голосом ответила воительница, окидывая его взглядом, полным холодной ярости, – чтобы кто-нибудь пострадал.

Сжигающую изнутри ненависть пришлось спрятать за стеной хладнокровия и расчетливости. Перед Эвелин был не её любовник и человек, по которому порой скучала, а очередное задание. Обычный враг, одолеть которого часть её работы.

Вначале Рокфорс только защищался, но после очередной порции увесистых ударов, перешел в наступление. Он был физически сильнее и крупнее, но... не так опытен в сражениях, как она. Его радость от, казалось бы, удачного захвата, лишаящего противника движения, обернулась сломанным носом и сопровождалась ещё чередой сокрушительных ударов по голове. А когда он упал на землю, то ещё и знатными, со всей возможной силы и со всей щедростью души, пинками.

Эвелин стояла и тяжело дышала, смотря сверху вниз на поверженного, постанывающего от боли мужчину.

– Помни о предупреждении, Рокфорс. Кайми просто так словами не бросаются. Появишься в моем городе – лишишься яиц.

Она плюнула на него и ещё раз от души пнула, а затем подобрала откинутую в ходе сражения перевязь с мечом, вскочила на лошадь и умчалась прочь.

Пробираться через лес ночью – плохая идея даже для воительницы. Поэтому Эвелин выбрала подходящее к ночлегу место и развела костер. Записка, что привела её в то поселение, уже давно догорела, но женщина сидела и не отрываясь смотрела на пламя, раз за разом вспоминая, как жадно поглощали его языки белоснежную бумагу с выведенными там строками.

«Уж лучше море слез,

Чем океаны лжи».

Море слез? Эвелин не собиралась плакать. Не по этому ничтожеству. Его слова были неправдой. Она не планировала семью, как и не думала о детях. Жить с ним? Да. Хотела. Но не более того. И всё же слышать подобное из уст человека, который ей нравился, было... неприятно. Да. Именно так.

– Неприятно, – вслух твердо проговорила она, словно убеждая саму себя. – Просто неприятно.

Эвелин привычным жестом провела рукой по воздуху возле своей ноги, а потом одернула и грустно вздохнула, вспоминая, что сегодня только с Ласточкой. Словно почувствовав внимание к своей персоне, лошадь оторвалась от трапезы и повернула морду в сторону хозяйки, попутно пережевывая ранее добытую сочную траву.

– Ешь, ешь, это я так, по Лесли скучаю, – ласково проговорила женщина. Лошадь фыркнула в ответ и тряхнула мордой.

Лесли, большая ярко-рыжая собака, всегда сопровождала её во всех путешествиях. Только сегодня Эвелин не взяла ту с собой: не знала, чего ожидать от странной записки. И теперь жалела. С ней спокойнее. Да и можно было бы смело ложиться спать в лесу: Лесли предупредила б о надвигающейся опасности. Ласточка тоже хорошо чувствовала приближение монстров, но всё ж не так, как собака.

Воительница с сожалением посмотрела на пустующее место у своей ноги, куда обычно укладывалась Лесли, ещё раз грустно вздохнула и потянулась к костру, принялась ворошить угли. Хорошо, что не спится. Может и до утра так досидит. Заказов на ближайшие дни всё равно не предвиделось, времени выпастись будет предостаточно.

Медленно тянется время... Бесконечно долго ждать рассвета... Мучительно больно осознавать собственную глупость... Ведь могла бы и сама догадаться. Могла бы проверить, бывала же в Налии не раз, надо было навести справки и выяснить, что Рокфорс там не живет... А отмазка про больную мать?

– Создатель, какая же тупость, – прошептала в ночи Эвелин, – кому рассказать, засмеют.

Океаны лжи...

– Так мне и надо, – усмехнулась она, – наивных дурочек следует учить, если уж своей соображалки к стольким годам не хватает.

Эвелин вытянулась на земле, положила руку на лежащий рядом меч и закрыла глаза, решив, что день сегодня и без того ужасный, чтобы беспокоиться ещё и за ночь. Создатель не настолько жесток, не станет посылать ей смерть после того, как она познала собственную никчемность.

Океаны лжи...

К черту Рокфорса. К черту отношения. К черту любовь. Всё тлен.

Глава 2

Эвелин проснулась с рассветом. Внутренние часы четко совпадали с природными. Но только в походной жизни. В своей кровати она с легкостью могла проспать практически до обеда, потом ещё полдня проваляться без дела, и выйти в город только к вечеру.

Говорят, утро вечера мудренее. Глупости. Утро вечера угрюмее. К вчерашней злости на себя добавилось чувство голода и усталость от кошмаров, которые одолевали её во сне.

Воительница закрепила оружие, поправила седельные сумки, забралась на лошадь. Ласточка недовольно фыркнула, выражая негодование от прерванного завтрака.

– Ты и так сутками ешь, хорош, поехали домой!

Женщина натянула поводья, заставляя лошадь приподнять морду. Животное свой ответ скинуло на землю ароматной кучей.

– С облегчением, подруга, – иронично усмехнулась Эвелин и сильнее сжала бока лошади, давая понять, что привал закончен, – но-о-о-о...

Особо гнать причин не было, Эвелин почти сразу же перешла с галопа на размеренный ход, наслаждаясь свежестью утра и пением птиц, постепенно выравнивая своё подавленное состояние на привычно-спокойное.

Сначала она услышала лай, который узнала бы из тысячи, а потом увидела, как промелькнуло что-то рыжее. Спрыгнув на землю, Эвелин поспешила вперед, немного беспокоясь: охотничьи навыки у её Лесли на высоте, но всё же разминуться не хотелось.

– Лесли! Я здесь! Лесли!

Рыжая шерсть собаки ярким пятном мелькала между деревьями, стремительно сокращая расстояние. Завидев хозяйку, Лесли остановилась, наострила уши, с укором смотря.

Эвелин присела рядом, потрепала за ухом собаку, а потом обхватила её морду руками и притянула ближе к себе.

– Как ты выбралась из комнаты? Неужто Кассия тебя выпустила? Вот получит, когда вернусь.

Лесли громко и неожиданно гавкнула, воительница дернулась и, не удержав равновесия, плюхнулась на землю. Пес суетливо закружил возле неё, радостно замахал хвостом, принялся атаковать лицо в попытках облизать. Женщина счастливо засмеялась, уворачиваясь, купаясь в ни в чем несравнимом счастье безусловной любви. Эвелин знала, что Лесли любила её ни за что. Любую. Просто потому, что по-другому не умела. Этим и отличались собаки от людей. В памяти снова всплыли обидные слова Рокфорса, и воительница поспешила откинуть их, не желая портить радость встречи воспоминанием о недостойном эпизоде своей жизни.

– Вот теперь порядок! Мои боевые подруги со мной! Значит, пора открывать новую главу своей жизни, но... – Эвелин ещё раз потрепала яркую шерсть Лесли, – сначала домой, есть и... спать!

Добралась до Кравина женщина уже через пару часов, привычная компания сделала её путь радостнее, от этого и короче. Ласточка бодро бежала, предчувствуя длительный отдых в привычном стойле с полной кормушкой, а Лесли периодически скрывалась в глубине леса, ведомая одними только ей доступными шорохами.

Ближе к дому пришлось спешиться и вести лошадь под уздцы: теснота улиц и многолюдность нервировали Ласточку. Знакомый силуэт младшей сестры воительница увидела изда- лека.

– Кассия! – позвала её Эвелин.

Девушка обернулась и приветливо замахала рукой, а потом поспешила навстречу. При виде собаки Кассия улыбнулась.

– Нашла тебя всё-таки, – с теплотой в голосе произнесла девушка и погладила собаку по голове.

– Кстати об этом, – недовольно нахмурилась Эвелин. – Кто тебе разрешил её выпустить? Она могла потеряться!

– А что мне было делать? Да и едва я открыла дверь, она умчалась. Догнать её было нереально! – немного обиженно оправдывалась сестра.

Доводы Кассии не показались ей весомыми, но затевать спор Эвелин не стала. Тем более что запирасть Лесли в чужом доме больше не собиралась.

Едва первое неудовольствие схлынуло, Эвелин окинула сестру внимательным изучаю- щим взглядом. Длинные темно-русые волосы Кассия оставила распущенными, собрав лишь локоны у лица. И без того выразительные глаза та дополнительно выделила косметикой. Надела в меру открытое красное платье, судя по всему, новое: раньше Эвелин его не видела. В руках сестра держала целую корзину спелых, идеально отобранных, без малейших изъянов яблок.

– И куда это ты так вырядилась? – с подозрением спросила воительница.

Юное лицо девушки озарила счастливая улыбка, а во взгляде синих глаз появилась мяг- кость и теплота.

– Я встретила мужчину своей мечты! – мечтательно произнесла Кассия.
– Кого на этот раз? – скептически поинтересовалась Эвелин и криво усмехнулась.
За двадцать два года её сестра умудрилась уже столько раз влюбиться, что женщина перестала придавать этому значения. И каждый раз у Кассии, как последний. Спасало только одно:

кто такая Эвелин, знали все в округе и побаивались. Лишь несколько раз пришлось особо рьяным ухажерам объяснять, что с ними будет, если в намерениях только утехы с младшей сестрой воительницы, а не серьезные отношения с последующим браком.

– Служителя Создателя, – на выдохе произнесла Кассия и смущенно опустила взор, ещё больше расплываясь в улыбке.

Эвелин недоуменно на неё уставилась. Хотя она нечасто бывала в церкви, но помнила, как выглядел отец Патрик. На вид ему было около тридцати, возможно, чуть больше. Крепкого телосложения, рослый, выше её. Светловолосый, коротко-подстриженный, всегда приветливый. Эвелин показалось даже слишком. Его тонкие губы часто расплывались в улыбке. Вот только глаза, пронзительно-голубые, были холодны. Настолько яркий контраст между словами, мимикой и выражением глаз немного настораживал воительницу. Первое время она пыталась обсудить это со знакомыми, но все были в восторге от нового служителя, что появился в их церкви полгода назад, поэтому Эвелин прекратила присматриваться к отцу Патрику, списав всё на возможные неприятные ассоциации с кем-то из прошлого.

И вот её юная и немного наивная сестра говорит, что влюблена в него.

– Он намного старше тебя! – выдавила наконец-то женщина.

– Ненамного! – возмутилась Кассия, а потом, довольная собой, добавила: – Я всё разузнала, ему двадцать пять! Он родом из Трекании!

– Отцу Патрику всего двадцать пять? – пораженно выдохнула Эвелин.

– А при чем тут отец Патрик? – настала очередь Кассии удивляться, а потом когда до неё дошло, девушка рассмеялась. – Создатель, ты подумала, что я влюблена в отца Патрика? Нет, конечно! К нам неделю назад в обитель прибыл ещё один служитель! Отец Джеймс! Эвелин, ты себе не представляешь, как он красив! Его темно-синие глаза... удивительные... когда он смотрит на тебя, то хочется отдать ему и душу, и тело... его взгляд проникает под кожу и оставляет внутри дрожь... – Кассия закрыла глаза и блаженно улыбнулась, очевидно, фантазируя только что сказанное.

Речи сестры удивили Эвелин. Очень. Она разное слышала за те три года, что сестра провела возле неё, переехав из отчего дома в Кравин, но настолько смелые и откровенные разговоры не вела, ограничивалась лишь краткими воздыханиями.

– Не боишься кары Создателя? – сердито произнесла воительница, одергивая сестру.

– Какая кара? – улыбнулась ей Кассия. – Служителям можно жениться! Правда, один раз и на всю жизнь. Меня такой вариант устроит. Жаль только до свадьбы им нельзя вступать в отношения...

– Эй! – прикрикнула на неё Эвелин. – Что за разговоры?!

– Да ладно тебе, сестрица, не будь ханжой! Неужели ты, когда была юна, не горела от страсти и любви ни к кому?

– Что значит, когда была юна? – возмутилась Эвелин. – Мне тридцать пять!

– Вот именно! – снова засмеялась Кассия и взяла сестру под руку, увлекая за собой. – Пойдем со мной, я тебе покажу своего будущего мужа! Я же как раз шла в церковь!

– Хорошо. Посмотрим на твоего чудо-служителя, – обреченно согласилась Эвелин. – Мне нужно Ласточку только оставить!

– Давай тогда быстрее! – поторопила её Кассия. – Надо успеть к окончанию его службы!

Весь путь до церкви Эвелин слушала, какой отец Джеймс серьезный, какой умный, какой внимательный к мелочам и своим прихожанам. Какой волевой у него подбородок, как потрясающе аккуратно всегда уложены у него черные волосы и как красивы его губы. Им Кассия уделяла особое место в описании: полноватые, идеально очерченные и... ещё целая куча определений, совмещенных с мечтательными улыбками и влюбленным блеском глаз. К тому моменту, как нога Эвелин вступила на территорию обители, воительница нового служителя Создателя крепко невзлюбила.

Жители Кравина не отличались особой религиозностью. Раньше. Сейчас Эвелин с удивлением для себя отметила резко возросшее количество прихожан. Нет. Прихожанок. Юные, разодетые, как и Кассия, с подарками в виде фруктов, выпечки, вышитыми полотенцами и прочими привычными подношениями, девушки стояли возле высокого темноволосого молодого человека в одеянии служителя.

Воительница не сдержала смехок. Очевидно, красоту нового служителя отметили многие девы Кравина. Эвелин с сочувствием посмотрела на потрясенную происходящим сестру. Кассия тоже не ожидала такого наплыва конкуренток. Женщина только хотела предложить сестре уйти, как та опередила её и расстроенно пробормотала:

– Дождемся, пока часть из них уйдет, и подойдем.

Эвелин покачала головой, но решила смолчать. Вряд ли атаковавшие бедного отца Джеймса дамы так быстро уйдут, но расстраивать ещё больше сестру не хотела. Где-то в душе она даже немного сочувствовала ему. Видела, как он старался сохранить нейтральное выражение лица, как вежливо отвечал на множественные комплименты по поводу интересно проведенной службы. Представляла, как это утомительно. Хотя была и польза от этой суеты. На фоне ажиотажа вокруг нового служителя отец Патрик, казалось, начал сиять жизнелюбием ещё больше.

Она ещё раз взглянула в сторону отца Джеймса, пытаясь рассмотреть его получше, гадая, чем же он мог привлечь всех остальных. Словно почувствовав её внимание, он повернул голову. Их глаза встретились. Её праздный и скучающий взгляд и его серьезный и заинтересованный. Эвелин даже обернулась, может, кто-то стоял позади, и смотрел он не на неё, но... никого не было. Отец Джеймс смотрел именно на неё и шел именно к ней, пробираясь через толпу дев, непонимающих причины резкого перемещения объекта воздыхания.

– Эвелин! Он идет сюда! Создатель! Отец Джеймс идет сюда! – восторженно затараторила Кассия.

– Да, я заметила, – задумчиво проговорила Эвелин, не зная что и думать.

– Как я выгляжу? – подергала её за куртку сестра.

– Хорошо, – отмахнулась воительница. Глаза служителя действовали на неё гипнотически. Мужчина открыто продолжал искать её взгляда и идти навстречу, нервирруя.

– Добрый день, отец Джеймс, – почти пропела Кассия, когда мужчина подошел.

– Добрый день, Кассия, – поприветствовал он её, коротко кивнул, а потом снова перевел взгляд на Эвелин, рассматривая.

– Вы запомнили, как меня зовут, – счастливо пробормотала девушка и зарделась румянцем.

– Создатель благословил меня исключительной памятью, – в его мелодичном, бархатистом голосе проскользнуло едва уловимое раздражение оттого, что Кассия снова пыталась привлечь его внимание.

– Это же замечательно! – радостно сообщила девушка, не замечая игнорирования.

Эвелин стало неудобно. От его странных взглядов. От елейного голоса сестры. От всего вместе. Утреннее раздражение вернулось к воительнице. Она вопросительно приподняла одну бровь и прямо, с вызовом уставилась на отца Джеймса. Мало кто выдерживал такой взгляд. Но оказалось, что слуга Создателя как раз входил в это небольшое число смельчаков.

– Кайми, наемница с севера, что сподвигло вас посетить наши края? – спросил он её, меняя выражение во взгляде на нейтрально-вежливое, но так и не отводя глаз в сторону, смотря прямо на Эвелин.

– Я здесь живу. А вот что сподвигло вас, отец Джеймс, прибыть в нашу скромную обитель?

– Призван служить Создателю по настоянию Главы церкви, – невозмутимо ответил мужчина, не обращая внимания на сквозившую в голосе воительницы иронию и пренебрежение.

– Отец Патрик недавно обосновался у нас. Теперь вы. Не многовато ли наставляющих на путь истинный?

– Простите мою сестру, святой отец, – поспешила вмешаться Кассия, предупреждая хватая сестру за рукав куртки.

Эвелин раздраженно скинула её руку. Не хватало ещё, чтобы девчонка указывала ей, как себя вести.

– Сестру? – он не смог скрыть удивления и впервые внимательнее взглянул на Кассию.

Эвелин закатила вверх глаза. Каждый раз одно и то же. Кайми – обособленно живущий народ на севере королевства. Их знания и сила передавались из поколения в поколение, как и их внешность: яркие рыжие волосы, веснушки, высокий рост и крепкое телосложение. Прирожденные воины и воительницы, не признающие иную, отличную от монет, власть. И если Эвелин вполне соответствовала внешне, да и внутренне, своему народу, то её хрупкая, милая сестра с темно-русыми волосами вызывала закономерный вопрос.

– По матери, – пояснила девушка, краснея от волнения, – у Эвелин отец был тоже кайми, как и наша мама, а у меня – простой иллинуец. Мама второй раз вышла замуж, когда отец Эвелин погиб...

– Кассия! – предупреждая выдавила сквозь зубы воительница, злясь на сестру за лебезящий тон и стремление выложить всю жизнь напоказ в угоду своему новому увлечению.

Кассия стушевалась от ярости в глазах сестры и обиженно надула губки.

– Не следовало утруждать себя объяснениями, – примирительно сказал отец Джеймс.

– А вам не следовало задавать неуместных вопросов! – рявкнула на него Эвелин.

– Создатель, Эвелин! Что ты такое говоришь?! – испуганно воскликнула Кассия, а затем устремила умоляющий взгляд на слугу и прошептала: – Простите её за грубость и не сердитесь...

Эвелин решила, что самое время попроситься. Достаточно на сегодня добродетели. Воительница забрала корзину с яблоками из рук сестры и насильно вложила отцу Джеймсу в руки.

– Приятно было познакомиться, – холодно сказала Эвелин, взяла сестру под локоть и повела за собой.

– До свидания, отец Джеймс, я обязательно приду завтра на службу, – пролепетала Кассия, постоянно оборачиваясь.

Отец Джеймс ничего ей на это не ответил. Это показалось Эвелин странным, и она тоже обернулась посмотреть на него. Мужчина уже успел поставить корзину на землю, стоял и задумчиво крутил в руках яблоко, смотрел. Вот только не на Кассию. А на неё. Не пряча взгляда. Странного, внимательного взгляда.

– Лесли, – позвала Эвелин крутящуюся неподалеку собаку и ускорила шаг, уводя за собой сестру.

Когда церковь осталась позади, Кассия опомнилась и вырвала свою руку.

– Эвелин! Какого хрена?! – закричала девушка.

– Что за выражения?!

– Да плевать на выражения! – всплеснула руками Кассия. – Как ты себя ведешь?!

– Нет! Это как ты себя ведешь?! Разве что не предложила ему там руку и сердце! – зло проговорила Эвелин. – Как собака заглядывала ему в глаза и преданно махала хвостом! – воительница мельком перевела взгляд на Лесли, буркнув: – Не слушай меня, Лесли. – А потом снова грозно посмотрела на Кассию. – И где твоё достоинство? Куда ушло? Мужчины не любят подобного...

– Да что ты можешь знать о мужчинах? – снова повысила голос сестра. – Тебя вообще ничего, кроме беганья по лесам и размахивания мечом, не интересует! Я не хочу быть как ты, всю жизнь одинокой и никому не нужной! Пес и лошадь! Вот и всё, что у тебя есть! Ни дома, ни семьи!

Кассия всхлипнула, подхватила подол своего платья и бросилась прочь по улице.

Эвелин опешила от слов сестры, стояла, не замечая ничего вокруг. Перед глазами возник образ догорающей записки с красивой поэтичной строчкой и адрес, который вернул её с небес на землю, разрушил иллюзии.

– Просто не мой день, – сказала сама себе Эвелин, успокаивая, отрезая рвущееся негодование и боль. – Ещё один не мой день, – она наклонилась и погладила Лесли по голове. – Пойдем, дорогая моя, мне нужно выпить, прогуляешься со мной, – женщина усмехнулась, повторяя слова Кассии: – Пес и лошадь, вот и всё, что у меня есть...

Воительница дошла до ближайшего питейного заведения, заняла свободный столик в самом углу. Это не спасало её от косых, настороженных взглядов других посетителей, но всё же не у всех на виду и ладно. Кисловатый запах не совсем качественного алкоголя, царивший здесь, вызывал брезгливость. В иное время она ни за что бы не пришла в подобное место, хвала Создателю, доход позволял выбирать, но сейчас острая необходимость залить свой крик души, не дать ему стать слезами, была важнее.

Она жестом подозвала официантку и заказала бутылку самого крепкого алкоголя и тарелку с горячим, всё равно каким, лишь бы там было что-то про мясо. День недавно начался, посетителей было немного, проблем не должно возникнуть, но Эвелин решила подстраховаться и обвела зал взглядом. Обычные пьяницы да пару воров отдыхали после трудовой ночи. Последних Эвелин уже глазом на раз определяла. Красть у неё нечего, но отметить стоило. Она встретилась взглядом с главварем: этого тоже легко определить, было что-то едва уловимое в его поведении, что чувствовалось на уровне интуиции, наверное, уверенность, легкое чувство превосходства. Эвелин кивнула ему в знак приветствия, криво ухмыльнулась. Он приподнял в ответ два пальца и отвернулся.

Ещё один столик занимали агры. Горный народ севера, полудикие и туповатые великаны, живущие в своем Оплоте, не без причины считались носителями проблем. Проблем для окружающих. Но не для кайми, что были их соседями. Этих – великаны избегали. Договор, заключенный когда-то между двумя народами севера, до сих пор был нерушим.

Эвелин окинула агров дерзким взглядом, демонстративно сняла свой меч и положила возле себя на скамью. Нахально приподняла одну бровь, скривила губы в презрительной ухмылке. Великаны дружно оскалились в чем-то, что считалось улыбкой, и подняли в знак приветствия кружки с брагой.

Остальные посетители таверны не стоили её внимания, поэтому Эвелин сочла обмен любезностями завершённым и отвернулась, стала бездумно рассматривать свой стол.

Алкоголь принесли почти сразу. Чистота стакана приятно удивила воительницу. Липковатый от жира стол, за которым она сидела, не позволял надеяться на чудо, но оно свершилось.

– Хвала Создателю! – саркастически сказала Эвелин ни к кому не обращаясь, из груди вырвался смешок. – Чистая посуда – верный знак, что черед дерьма в моей жизни подходит к концу.

Она щедро налила в стакан принесенной янтарной жидкости и сделала несколько глотков, морщась от раздражающей горло крепкости алкоголя. С грохотом поставила стакан на стол и шумно выдохнула. Эвелин не успела осушить второй стакан, как принесли еду. Женщина покрутила тарелку, рассматривая содержимое. Характерный запах подгоревшего лука, что источало рагу, не добавлял аппетита, а когда она увидела оброненный поваром волос, то сразу почувствовала себя сытой. Желание надеть эту тарелку на голову того, кто готовил, воительница залила новой порцией обжигающей внутренности жидкости.

– Намек поняла, Создатель! – она пьяно хихикнула, посматривая на тарелку. – Везение ограничилось только чистым стаканом! На большее рассчитывать не стоит!

Ещё глоток. Должно было стать легче. Но почему только хуже? Почему её горло першит, даже когда она отставляет стакан? Почему слова, сказанные Рокфорсом, а потом Кассией, прокручиваются у неё в голове, вызывая глупое желание разреваться? Что за ерунда? Она – кайми! Воительница! Плакать? Ей?

Эвелин тряхнула головой и налила новую порцию, залпом осушила.

– Эвелин, мне кажется, вы достаточно выпили.

Она перевела взгляд на говорившего. Напротив неё за её столиком сидел отец Джеймс и внимательно смотрел, изучая. Эвелин мысленно ругнулась. Как она могла не заметить, что он подошел? И тем более сел? Она... пьяна? Или заснула?

– Что-то не припомню, чтобы я вас приглашала к себе за стол, – грубо отрезала она.

– У вас что-то случилось? Может, я могу чем-то помочь?

Его голос, полный искреннего участия, вызвал у неё смех.

– Помочь? Мне? – она подняла на него удивленный взгляд, прямо посмотрела в серьезные синие глаза. Пожалуй, чересчур серьезные. – Мне не нужна ничья помощь! Моя работа разбираться с проблемами. Вот сейчас допью и разберусь со своей.

Она потянулась за бутылкой, но мужчина отодвинул её подальше.

– А моя работа выслушать, – мягко, но вместе с тем настойчиво произнес он. – Вы можете рассказать...

– Тебе? – она опять засмеялась. – Что ты знаешь о жизни, святоша?

– Немного, – согласился служитель. – Но это не делает меня глухим. Я всё ещё готов вас выслушать.

– Настырный, – одобительно произнесла Эвелин. – И не вы-кай мне! Я не такая старая... хотя... – она снова потянулась за бутылкой. Он убрал ещё дальше, тогда Эвелин стукнула кулаком по столу. – Верни на место, иначе я тебе пальцы переломлю.

Мужчина протянул вперед руки, положил их на стол возле неё. Она изумленно проследила за его жестом взглядом, а потом вопросительно взглянула в его глаза.

– Можете переломать пальцы, бутылку я всё равно не верну, – твердо произнес отец Джеймс.

Эвелин растерянно похлопала ресницами и уставилась на его руки, которые оказались не такими, как она ожидала увидеть. Конечно, она не рассматривала пристально служителей, но всё равно не думала, что его руки будут такими... притягательными. Красивые длинные пальцы, достаточно большая ладонь, грубоватая, немного обветренная кожа, едва проступающие вены. Удивительное сочетание силы и изящества. Подобные руки могли принадлежать как воину, так и человеку, привыкшему много писать, но никак не священнослужителю. Да.

Определенно только не служителю. В такую руку хотелось вложить свою ладонь, а не священное писание.

– Создатель, – потрясенно выдохнула Эвелин, пугаясь собственных мыслей.

– Вам плохо? – обеспокоенно произнес он, всматриваясь в её побледневшее лицо.

– Не вы-кай мне! – разозлилась женщина.

– Не буду, – уголок его губ дрогнул, предвещая улыбку. Это зрелище поразило Эвелин не менее сильно, чем лицезрение его рук. – Я всё ещё готов слушать.

В его голосе сквозило участие, а в глазах застыло ожидание и интерес, желание помочь. Воительница нутром чувствовала, что пожалеет, но сдержаться не смогла.

– Он сказал, что мне тридцать пять и что мне не на что рассчитывать... А я ни на что и не рассчитывала! Понимаешь? – пьяно сказала она, стараясь говорить спокойно, без лишних эмоций. – Я просто не люблю ложь... А он врал... всё время! Представляешь? Говорил, что жил в Налии, что тоже наёмник, что у него мама... Мать его! Пел мне песни, а сам счастливо жил за рекой в соседнем поселении с девчонкой и растил сына! Но! – она подняла вверх указательный палец и довольно хихикнула. – Я сломала ему нос и подарила пару фингалов! Ну на прощание!

– Правильно сделали, – спокойно прокомментировал мужчина.

– Что-о-о-о-о? – изумленно уставилась она на него. – Отец Джеймс?! – Эвелин вдруг опомнилась и ворчливо добавила: – Что я говорила про вы-канье?!

– Правильно сделала, Эвелин. И раз уж ты настаиваешь, то прошу удовлетворить ответную просьбу. Зови меня просто Джеймс. Не люблю эту приставку, что прихожане приписывают служителям Создателя. Какой я тебе, право дело, отец?

– Глупо звучит, согласна, – хихикнула она и медленно произнесла, словно примеряя к себе это слово, – Джеймс...

Его имя почему-то сказала тихо, ответила на его прямой взгляд и вдруг почувствовала себя неуютно.

– Кажется, я много выпила, – пробубнила она, виня алкоголь в своей неожиданной реакции на этого мужчину.

– Я провожу тебя.

– Не стоит, я сама, – вскинула она руки в знак протеста и подскочила с места.

Стены таверны качнулись вместе с ней. Джеймс, словно предвидя это, был уже рядом и поддерживал её, не давая упасть. Дремавший под столом пес, неправильно расшифровав поведение мужчины, подскочил и угрожающе зарычал.

– Тише, Лесли, всё нормально, это... – она замолчала, подбирая в уме подходящее слово, определяющее стоящего рядом мужчину. Так близко стоящего... Его синие глаза бродили по её лицу взглядом, почему-то заставляя волноваться.

...когда он смотрит на тебя, то хочется отдать ему и душу, и тело... его взгляд проникает под кожу и оставляет внутри дрожь...

Эвелин вдруг поняла, о чем говорила Кассия. Именно это она только что и почувствовала.

– Всё-таки я провожу... – тихо сказал он, крепче сжимая её руку чуть выше локтя.

Его дыхание коснулось её кожи, и тело Эвелин покрылось мурашками. Джеймс забрал её меч и повел за собой, придерживая, давая опору. Странность происходящего привела женщину в смятение. Она даже не стала возражать против того, что он дотронулся до её меча, чего воительница никогда никому не позволяла.

Свежий воздух понемногу добавлял ясность мыслям. Сначала Эвелин вернула себе меч, а потом постаралась забрать и свою руку. Но отсутствие еды со вчерашнего дня усиливало действие алкоголя и не давало выровнять шаг для самостоятельного хода. И как бы ей не хотелось распрощаться со служителем, без его поддержки она дошла бы нескоро.

При виде родного дома Эвелин облегченно вздохнула, радостно предвкушая, как упадет на кровать и забудется сладким сном.

– Я живу вон там, – женщина указала свободной рукой на высокое, в несколько этажей здание с остроконечной крышей, нижний ярус которого был занят питейными заведениями и лавками. – Часть второго этажа с балконом над таверной – моя. Та, что ближе к мосту.

– Я понял, – ответил Джеймс, уголок его губ опять дернулся, обозначая скрытую улыбку. – Ты заходишь туда через таверну или есть отдельный вход?

Женщина надменно фыркнула.

– Конечно, отдельный вход. Лестница с обратной стороны здания.

Он уверенно повел её в том направлении. Их провожали удивленными взглядами. И Эвелин понимала почему.

– На нас все смотрят, – проворчала недовольно она.

– Тебя это беспокоит? – он повернул к ней голову, чуть замедляя шаг.

– Пьяную кайми ведет под руку юный служитель Создателя, – иронично произнесла Эвелин.

– Что именно из этого тебя беспокоит?

И снова этот взгляд. Серьезный, изучающий, проникающий в самую душу, заставляющий волноваться.

– Всё, – она выдохнула это слово.

Джеймс нахмурился, отворачиваясь, сосредотачиваясь на дороге. Эвелин показалось, что её ответ ему был неприятен, словно... словно он... расстроился? Рассердился? Это ставило в тупик и без того захмелевший ум. Как правильно реагировать, Эвелин не знала. Появившаяся растерянность от странности происходящего разозлила. У лестницы женщина решительно забрала свою руку, схватилась за перила.

– Дальше я сама, спасибо, – произнесла Эвелин, не смотря на него.

Её Лесли рванула вперед, ловко забираясь по ступеням вверх, и остановилась у двери, взволнованно виляя хвостом в ожидании. Воительница завистливо вздохнула. Ей сейчас такое неподвластно. Так быстро наверх попасть не получится.

Восхождение на второй этаж прошло без дополнительных приключений, у Эвелин даже с первого раза получилось попасть в замок ключом. Она почти скрылась в доме, как что-то заставило её обернуться.

– Вы ещё не ушли? – воскликнула Эвелин при виде мужчины, что стоял и наблюдал за ней снизу.

– Хотел убедиться, что вы благополучно доберетесь, – ответил он, тоже переходя на «вы». – До свидания, Эвелин.

– До свидания, отец Джеймс.

Плотно закрыв за собой дверь, Эвелин устало навалилась на неё, окидывая взглядом свою комнату.

– Дом, любимый дом, – тихо пробормотала женщина. Кое-как стянула с себя сапоги и направилась к кровати. – Принеси мне покой от безумия последних двух дней.

Глава 3

Как только действие алкоголя ослабло, Эвелин спустилась вниз в таверну и поела, потом приняла ванну, переоделась и завалилась на кровать в надежде поспать. Голова от такого большого количества выпитого не болела, и воительница в очередной раз воздала хвалу своим предкам. Ведь помимо особой физической силы и выносливости, кайми отличались стойкостью к отравляющим веществам, к которым, несомненно, относился и алкоголь. И хоть пила Эвелин крайне редко, но всё равно считала это свойство весьма полезным.

За окном уже потемнело, а спасительный сон к ней так и не пришел. Вчера и сегодня смешались и сложились воедино, принося с собой грусть. Проклятая записка... Или благословенная? Всё началось с неё. Знать бы ещё кто этот таинственный благодетель. Эвелин вспомнила аккуратно выведенные строчки. Вспомнила? Она уже навряд ли сможет их забыть. Они были выжжены в памяти клеймом. Почерк явно не мужской, слишком красивый и старательный. Воительница стала перебирать в уме женщин, которые могли бы так изящно и поэтично написать...

– Ах ты, черт! – воскликнула Эвелин и стала бегать по комнате, натягивать на себя костюм.

Лесли подхватила настрой хозяйки, воспринимая как игру, и стала носиться следом, путаться в ногах. Когда в очередной раз Эвелин споткнулась о свою собаку и чуть не упала, то подбежала к двери и широко распахнула.

– Жди внизу! – скомандовала женщина псу и потянулась за сапогами.

Лесли с радостным лаем умчалась вниз.

Застегивала куртку, как и крепила меч, Эвелин уже на ходу, быстро спускаясь вниз. В отличие от Лесли Ласточка была не рада внезапной ночной прогулке, и упрямо мотала мордой и фыркала, нервно переминалась с ноги на ногу и не давала крепить седло. Женщину мало интересовали желания её лошади. В иной раз воительница угостила б ту кусочком сахара или яблочком, то сейчас желание подтвердить свою догадку жгло, гоня вперед.

– Если не встанешь спокойно, то возьму другую лошадь! Поняла? – пригрозила она и несильно шлепнула Ласточку по задку. Лошадь сначала потянулась к хозяйке, намереваясь её укусить, но получив щелчок по морде, присмирела.

Ещё пару минут и Эвелин вывела Ласточку во двор. Ночь сделала улицы полупустынными, что позволило женщине выбраться из жилых кварталов верхом, пустив лошадь в галоп. Городские патрули не жаловали подобное, и Эвелин знала, что завтра за это получит выговор от комиссара. Рыжеволосую наездницу и мчащуюся следом такую же яркую собаку уже знали все местные солдаты, охраняющие ночной покой Кравина, поэтому соврать и сказать, что это была не она, не получится.

Нужный ей дом находился за пределами города, на опушке леса. Одинокое строение всем видом говорило, что живущий здесь человек общества не ищет. А острые колья забора добавляли, что и не одобряет внезапного вторжения.

Эвелин резко затормозила, прыгнула, в спешке накинула поводья на один из кольев и затянула узлом.

– Охраняй! – приказала воительница подбежавшей Лесли и указала на Ласточку, а сама помчалась за дом, куда звали её виднеющиеся голубоватые отблески магии.

Во мраке ночи светловолосая магнесса стояла и на вытянутых руках удерживала в воздухе призванную водную сферу, которая слабо поблескивала, освящая пространство. Исходящие от сферы голубоватые волны были подобны дыму и придавали девушке ещё более чарующий образ. Эвелин хотела позвать магнессу, но вместе с тем и не могла отвести взгляд: девушка и её магия были прекрасны и казались чем-то неземным, хотя, возможно, так и было.

Не отрывая взгляда от сияющего шара, девушка заговорила. Её нежный, мелодичный голос был таким же чарующим, как и творимая здесь магия:

*«Как резкий свет в ночи,
Так правда бьет порой,
Ведь страшно потерять,
Но горько сохранить.
И выбор предстоит
Тебе совсем непрост:
Иль тьма, что ложь несет
Иль свет, что дарит боль».*

Магнесса опустила руки, а затем щелкнула пальцами. Шар с тихим хлопком взорвался, осыпаясь миллионами мельчайших брызг на землю. Девушка подняла на воительницу свои прекрасные карие глаза и добавила:

– Прости, дорогая, я сделала выбор за тебя, – а затем прошептала: – Уж лучше море слез, чем океаны лжи. – Распахнула объятия, ласково проговорила: – Иди сюда.

Эвелин всего пару мгновений стояла и смотрела на неё, а потом сорвалась с места, побежала и с ходу заключила её в объятия. Слезы текли по щекам, всхлипы вырывались из груди, превращаясь в рыдания, которые остановить уже не могла, да и не хотела. В нежных объятиях подруги Эвелин оплакивала свои разрушенные надежды о нормальных отношениях, о доме, где будет место человеку, на которого она могла бы положиться и который стал бы ей опорой, спутником... О большем не мечтала и не загадывала, но не сбылось даже это... А если верить словам Рокфорса и Кассии, то уже и не сбудется. Ничего не сбудется. Может, и правда слишком поздно...

Магнесса прижимала к себе Эвелин и гладила по голове до тех пор, пока рыдания не стали тише, а потом аккуратно отстранилась, взяла её за руку.

– Адель, – хриплым от плача голосом произнесла воительница, – давно ты знаешь?

– Давно, – печально ответила магнесса, – я случайно подслушала его разговор с торговцем в одной из лавок Кравина. Он покупал подарки для жены и сына. Ну а выследить его дом дело несложное, – Адель повернулась и ласково коснулась её щеки, стирая слезы. – Всё это время я сильно мучилась и не могла решить, как поступить. Но когда ты стала всё чаще говорить про переезд в Налию и возможность жить вместе с ним, то поняла, что дальше тянуть нельзя. Я боялась, что потом станет только хуже, что ты ещё больше привяжешься к нему.

Эвелин любовалась красивым лицом магнессы и понимала, что даже если б захотела, то не смогла б рассердиться за вмешательство в свою личную жизнь. Резкий порыв ветра поднял их волосы, играясь, прерывая теплоту взгляда и тихую печаль момента. Воительница заметила, как ночная прохлада оставила на обнаженных участках тела Адель мурашки, и тихо сказала:

– Пойдем внутрь. Холодно, а ты в легком платье. Заболеешь ещё.

Магнесса слабо ей улыбнулась и повела за собой. Зайдя в дом, Эвелин скинула сапоги, села в своё любимое кресло, которое всегда занимала, когда приходила в гости к подруге. Адель поставила кипятиться воду, а потом принялась неторопливо расставлять посуду, нарезать фрукты и выкладывать на тарелки.

Эвелин с улыбкой наблюдала за ней, в душе разливалось спокойствие. Адель... Её собственный островок мира и гармонии. Удивительная дева, которую посчастливилось когда-то встретить на пути посреди леса и спасти от монстров. Их дружба стала впоследствии бесценным даром для Эвелин. Когда Адель перебралась поближе к Кравину, восторгу воительницы не было границ.

– Ты моё личное сокровище! – расчувствовавшись, произнесла Эвелин, смущаясь собственных проявлений привязанности.

– А ты моё, – Адель подняла на неё сияющий мягким светом понимания взгляд.

Заваренные травы ромашки, Melissa и чабреца источали дивный аромат, добавляя покой в мятежную душу Эвелин и располагая к тихим беседам. Воительница пересказала встречу с Рокфорсом, с удивлением отмечая для себя, что по мере окончания рассказа ей становилось легче. Остался лишь горький осадок от его слов и сомнения, которые до того момента никогда не терзали её.

– Думаешь, уже слишком поздно? – спросила Эвелин, приоткрывая ей свою душу. – Я уже не встречу никогда человека, которого полюблю и который полюбит меня?

– Это только Создателю решать, дорогая, – пожала плечами Адель. – Нам не дано знать, когда настигнет нас любовь. Но если это случится, то пусть она не станет для тебя проклятием, а будет взаимной.

– Грустно звучит, – воительница даже поежилась от обреченности прозвучавшей в голосе подруги.

– Возможно, – она отвела взгляд и стала рассматривать лепестки цветков, что плавали в чашке.

Эвелин вдруг широко улыбнулась, вспоминая:

– Знаешь, я никогда тебе не рассказывала, но был у меня однажды случай... Лет десять назад, плюс-минус пару лет. Я была проездом в Трекании. Раньше часто там бывала. Оттуда ближе к Гиблому лесу. Так вот... Давно было, но тот день запомнился. Я остановилась у одной из таверн, спешила. Подбежал мальчишка, чтобы забрать мою лошадь, напоить её и пристроить на ночлег. Я отдала поводья и остановилась подождать, пока он её уведет, но... Он всё стоял и смотрел на меня не отрываясь. Я взглянула на него, пытаюсь понять, что случилось. Наши глаза встретились. И ты не представляешь, что я там увидела! Целую вселенную! В то мгновение я была для него целой вселенной! Это было так странно и так приятно, – запал Эвелин резко пропал, и она грустно выдохнула. – Наверное, вот такого обожания я потом всю жизнь искала. Да и сейчас ищу. Но так как он, на меня больше никто никогда не смотрел.

– А может, ты просто не замечала? – тихо сказала Адель, пододвигая тарелочку с нарезанным яблоком.

– Ты не понимаешь, – проворчала Эвелин, – в его глазах светилось столько чувств, которые вспыхнули в то мгновение, когда он взглянул на меня! Скорее всего, я для него стала первой любовью! И не нужно было слов, чтобы понять это!

– Почему же?! Я понимаю, – мягко ответила магнесса.

– Серьезно?! – заинтересовалась Эвелин. – Слушай, а почему мы никогда не говорили о тебе? И все эти разговоры... Звучит так, словно ты несчастна. Влюбилась в кого-то без ответа? Неужели на свете есть кто-то, кто не оценил красоту твоей души и тела?

– Не придумывай, – мелодично засмеялась Адель и накрыла её руку своей, чуть сжала, приободряя, – допивай чай и ложись спать. Небось со вчерашнего с ума сходишь, вот и не смогла отдохнуть толком. А я приведу Лесли и пристрою Ласточку. Чего им во дворе сидеть? Ночью порой волки приходят.

– Почему не сказала?! – воскликнула обеспокоенно Эвелин.

– Потому что это неважно, – Адель щелкнула её по носу и поднялась из-за стола. – Я магнесса и могу сама справиться со всем. Пей. Я скоро вернусь.

Оставшись одна, Эвелин снова провалилась в задумчивость. Но мысли её теперь занимал не Рокфорс, а новое увлечение сестры – отец Джеймс. Его назначение Главой церкви выглядело очень подозрительно. Да, у пастора всегда в помощниках было несколько служителей, но это применимо для обителей в крупных городах с большим числом людей. Кравин же в подобную категорию не попадал. В их церкви всегда был только один пастор и один служитель: досточтимый и всеми любимый пастор Демьян и отец Арнон, весьма преклонных лет служитель, посвятивший всю свою жизнь угодному Создателю делу. И вот полгода назад к ним перевелся из другой обители отец Патрик, а теперь и отец Джеймс. Три служителя на одну обитель? Странно... Узнать бы причины, которыми руководствовался Глава церкви...

– Такая серьезная, – сказала вернувшаяся Адель, подошла, едва касаясь провела пальцами по лбу Эвелин, заставляя расслабиться и перестать хмуриться, – что ещё беспокоит мою красивую Эвелин?

Услышав такое обращение к себе, женщина скептически хмыкнула.

– Служители, – проворчала воительница.

– А-а-а-а, – с улыбкой протянула магнесса, – новый служитель, отец Джеймс, тебе тоже не понравился, как и отец Патрик?

– Нет, понравился, просто... – Эвелин запнулась, внутри пронеслась волна ужаса от понимания того, что именно только что неосознанно сказала. Он понравился ей?

– Просто... – повторила за ней подруга, ожидая продолжения.

– Просто в него влюбилась Кассия! – раздраженно выпалила воительница.

– Если это взаимно, то чудесно! Человек Создателя будет хорошим супругом для твоей сестры.

– Да, просто чудесно, – зло перековеркала Эвелин, бросая сердитый взгляд на Адель. – Ты его вообще видела? Он... он... он... – она не могла подобрать нужного слова. Перед глазами проносились воспоминания сегодняшнего дня. Отец Джеймс идет к ней сквозь толпу, смотря прямо в глаза... Нет, в душу... Его руки на столе, возле неё... красивые... хочется дотронуться... Он стоит рядом, собирается проводить до дома... его дыхание на её коже...

– Эвелин, – донеслось до неё.

– Он странный, – наконец-то выпалила Эвелин, очнувшись от наваждения, и стукнула кулаком по столу. От удара посуда дружно звякнула, словно подтверждая.

– Все мы немного странные, – миролюбиво произнесла Адель и взяла её руку в свою. – Ты устала, вот и сердиться на всё и всех, подозреваешь...

– Думаешь? – Эвелин посмотрела на подругу с надеждой.

– Уверена. Выпишись, и завтра мир снова заиграет яркими красками. Пойдем...

Её нежная улыбка, мягкий блеск глаз и спокойствие снова подействовали на Эвелин успокаивающе. Воительница послушно поплелась за Адель в спальню. Магнесса взбила подушку, откинула одеяло, подождала, пока Эвелин разденется и занырнет в объятия перины, накрыла подругу и присела рядом.

– Я чувствую себя маленькой девочкой, – проворчала Эвелин.

– Ты такая и есть, – улыбнулась ей Адель.

– Скажешь тоже... – буркнула женщина.

– Красивая маленькая девочка...

– Если только в душе, – саркастически сказала Эвелин, а потом засмеялась и добавила: – очень глубоко в душе...

– Спи...

– Лесли?

– В сарае вместе с Ласточкой, знаешь же правило: в моем доме никаких собак. Завтра уже обнимешься со своим псом.

Адель поцеловала Эвелин в щеку, подоткнула одеяло, погасила свет и вышла.

Глава 4

Чудесное мирное утро, неспешный завтрак, теплое общение... Эвелин с сожалением попрощалась с Адель, обернулась напоследок, помахала ей рукой и направилась в город. Как бы хорошо и уютно ни было, надо возвращаться к своей жизни.

Городской патруль встретил её радостной улыбкой и посланием от комиссара. Слово «незамедлительно» не нравилось Эвелин, но очень нравилось комиссару. Эту проблему воительница всегда решала в свою пользу. Поэтому сначала вернулась домой, определила Ласточку и только потом медленным прогулочным шагом направилась к комиссару... через городской парк. Ведь Лесли его очень любила. По дороге заглянула в трактир и ещё раз позавтракала. Адель не ела мясо ни в каком виде, соответственно, не предлагала его и Эвелин. Фрукты чудесны в качестве еды, но... так надежнее. На сытый живот легче перенести общение с не очень приятным типом.

Здание, где обитал комиссар и его люди, соответствовало хозяину: выглядело неухоженно, мрачно и вызывало желание обойти стороной. Эвелин резко открыла дверь, чем всполошила мирно сидящих и скучающих за своими столами помощников комиссара. Она любила несколько мгновений после, когда люди начинали суетливо трогать документы, перекладывать их и делать вид, что чем-то заняты. Это забавляло её каждый раз, но вместе с тем вызывало чувство брезгливости: не работники, а лишний элемент, проедающий деньги из казны.

Она стремительно прошла через просторный зал с помощниками и без стука вошла в кабинет комиссара. Тучный, лысеющий мужчина, развалившись в кресле, с аппетитом уплетал свой бутерброд. Крошки сыпались на его рубашку, что держалась исключительно на силе крохотных пуговичек и благословении Создателя. Хотя Эвелин показалось, что если комиссар сделает полноценный вдох, то его огромный живот окажется на свободе и спасется от власти одежды.

– Господин Хадвин, – скучающе произнесла Эвелин, – вы хотели меня видеть?

– Дорогуша, – он на секунду поднял на неё глаза и снова вернулся к трапезе, – мне доложили, что ты опять нарушаешь покой мирных жителей. За это полагается штраф, ты же знаешь?

– Голословное утверждение. Свидетели? Кто видел? Когда? – спокойно произнесла женщина, скрестила руки на груди и подперла плечом дверной косяк.

– Всё есть. Лежит в деле, – Хадвин небрежно бросил остатки бутерброда на тарелку и вытер руки о лежащий рядом платок.

– Могу я взглянуть? – она с вызовом посмотрела ему в глаза.

– Конечно, нет. Там имена стражников, что были в городском патруле. Им ни к чему неприятности.

– Нет имен – нет штрафа, – дерзко ответила воительница и усмехнулась.

– Дорогуша, не вынуждай меня... – его тон стал мягче, а глаза заблестели хитрыми искорками.

– Хадвин... – пропела Эвелин, закрыла за собой всё ещё открытую дверь, отрезая возможность продолжать подслушивать работникам, а потом подошла к столу и сверху вниз грозно глянула на комиссара. – Я недавно приносила тебе оговоренную сумму монет.

– Это было за прошлый месяц, – он бесстрастно на неё посмотрел в ответ. – Я закрыл глаза на твои «маленькие» нарушения, позволил тебе продолжать работать в моем городе...

– В городе нашего правителя, – поправила его Эвелин, – а не в твоём...

– Перебивать невежливо, – упрёкнул её мужчина.

– Брать такие суммы за незначительные деяния тоже! – парировала она.

- Драка в таверне восьмой улицы, разбой у тридцать шестого дома четвертой улицы...
- В таверне на меня напали, а разбой – это было...

Он не дал ей договорить и поспешил добавить, теряя терпение:

– У тебя в любом случае нет доказательств своей невинности, поэтому не будем снова это обсуждать. Ты приносишь такую же сумму, и мы с тобой на ещё один месяц забываем друг о друге. В пределах разумного, конечно.

– Вот через месяц и принесу, я, может, ничего противозаконного и не сделаю. Зачем платить заранее?

Ответить он не успел. Раздался стук в дверь. Комиссар махнул рукой воительнице, давая понять, что разговор ещё не окончен, и откликнулся. В кабинет спешно вошел городской стражник, явно волнуясь. Его глаза испуганно смотрели на комиссара.

– Господин Хадвин! Сэр... Ещё одно убийство! Снова девушка!

Хадвин выругался сквозь зубы и поднялся из кресла, поправил штаны, смахнул оставшиеся крошки и, тяжело переваливаясь, пошел к двери. Эвелин посчитала разговор законченным и последовала за ним, собираясь уйти домой.

– Пойдешь со мной, – сказал ей мужчина. – Твоя помощь пригодится.

– С чего мне в это ввязываться? – презрительно бросила ему Эвелин. – Убийства не моя специализация...

– За этот месяц можешь не платить, – ответил комиссар и продолжил кивать на выход.

– Годится, – довольно произнесла воительница и криво улыбнулась.

Дорога до места преступления предстояла через весь город, и Эвелин решила не тратить зря времени и сразу прояснить у комиссара интересующие вопросы.

– Убийства и раньше в нашем городе случались, – сказала воительница. – Справлялись как-то же сами. Зачем в этот раз понадобилась я?

– Примерно месяц назад нашли тело двадцатилетней девушки, – задумчиво почесывая свой живот, проговорил Хадвин. – Опрос знакомых и родных ничего не дал. Она ни с кем не конфликтовала. В отношениях не состояла. Ни причин. Ни подозреваемых.

– Думаешь, связано? – Эвелин бросила на него недоуменный взгляд, всё ещё не понимая, чем это убийство отличается от других.

– Не знаю. Не хотелось бы. Если в нашем городе завелся молодчик, который убивает юных дев, то это привлечет внимание властей из столицы. Не хватало нам здесь ещё главнокомандующего из Иллинуи или, не приведи Создатель, самого Магистра и его ищеек.

Эвелин криво усмехнулась. Вот теперь она поняла, какого рода беспокойство одолевает комиссара. Если пришлют кого-то из руководства, и тот начнет разбираться в делах Хадвина, то самому Хадвину придется несладко. Толстяку можно будет попрощаться с насиженным местом, дополнительными заработками в виде взяток и прочими прелестями сытой, упитанной жизни.

– Зря лыбишься, – грубо добавил он, догадавшись о её умозаключениях, – неужели думаешь, что новый комиссар, которого поставят вместо меня, позволит тебе заниматься незаконной деятельностью, как я, и вершить самосуд за деньги заказчика? Поэтому поднапрягись и помоги мне поймать этого таинственного любителя мертвых дев, пока столица не засунула в Кравин свой любопытный нос.

– Четыре месяца я тебе ничего платить не буду, – твердо сказала Эвелин.

От возмущения бугристая кожа Хадвина сначала покрылась красными пятнами, а потом стала равномерно пунцовой.

– Нахалка! Уговор был на месяц!

– Я тогда ещё не знала всей картины и возможных рисков, – невозмутимо парировала воительница.

– Немыслимо! Я посажу тебя в тюрьму!

– Тогда придется искать преступника самому.

– Ты! Ты... – комиссар не мог подобрать более точного оскорбления, поэтому открывал рот и закрывал, не в силах окончательно определиться. – Ты хуже торговли в ярмарочный день! – наконец-то выдал он.

– Так что? Договорились? Или я пошла домой?

– Два месяца!

– Три, и полная свобода действий при расследовании. Доступ к тому, что уже узнали!

– Ты... ты...

– Да. Хуже торговли, – по-деловому сказала Эвелин и устремила на него жесткий, уничтожительный взгляд.

– Хорошо, – зло процедил сквозь зубы комиссар.

Оставшийся путь они не разговаривали. Эвелин гладила рукой пристроившуюся на сиденье Лесли и смотрела в окно экипажа. Такой вид перемещения женщина не любила, предпочитала или верхом на лошади, или пешком, считала повозки, кареты и прочие приспособления унижительными для себя, как для воина. Но ничего не поделаешь, габариты комиссара иного не предполагали, вот и пришлось идти на уступки.

Уже через какое-то время пришлось спешиться. Толпа зевак не давала дальше проехать. Городская стража при виде разозленного комиссара с новыми усилиями принялась разгонять перешептывающуюся толпу.

Эвелин бродила взглядом по лицам, стараясь запомнить как можно больше людей из толпы. Бытовало мнение, что преступник порой возвращается на место преступления. Правда или нет, но запомнить тех, кто сейчас находится здесь, воительница посчитала нелишним.

– Кто пустил сюда малолетнего святошу? – довольно громко своим людям сказал Хадвин.

– Простите, сэр, – поспешил оправдаться помощник комиссара, – отец Джеймс сказал, что ему надо упокоить душу жертвы... я предупредил его: ничего не трогать до вашего прибытия.

– Черти-что делается, – недовольно проворчал Хадвин и растолкал оставшихся зевак, вышел на оцепленную территорию.

Имя Джеймса вызвало у неё беспокойство и легкое волнение. Глаза воительницы нашли высокую фигуру в черном. И снова он почувствовал на себе её взгляд, обернулся. А может, и услышал голос комиссара. Несколько секунд синие глаза служителя удерживали взгляд Эвелин, а потом отец Джеймс обеспокоенно спросил:

– Эвелин, зачем вы здесь?

– Она со мной, – ответил комиссар за неё и строго посмотрел на служителя, – а вот кто вам дал право находиться здесь?

– Создатель, – тон отца Джеймса был холоден, взгляд колким.

– Вот и общайтесь с ним, а нам не мешайте, – Хадвин пренебрежительно замахал руками в сторону служителя, как будто собирался прогнать назойливую муху, и стал деловито прохаживаться вокруг убитой девушки.

Эвелин придержала свою собаку за ошейник и шепнула:

– Лесли, сидеть, – а сама медленно направилась к жертве.

Тело девушки лежало у крыльца пустующего дома. Месторасположение весьма способствовало длительному сокрытию трупа от чужих глаз: на краю квартала старой части города у городской стены, за которой начинался лес. Идеально.

Эвелин по роду деятельности приходилось сталкиваться со смертью, это не впечатляло, но... это несчастное юное создание было так похоже на её Кассию. Возраст, рост, телосложение... цвет волос... Женщине стало жутко. В какой-то момент ей показалось, что это её младшая сестра сейчас лежит и смотрит в небо испуганными глазами, взгляд которых замер

навсегда. Порыв ветра подхватил лежащий на земле темно-русый локон убитой и пододвинул к Эвелин, небрежно роняя его на сапог воительницы.

Женщина дернулась в сторону, на мгновение прикрывая рот рукой, сдерживая возглас, и часто заморгала, пытаясь прогнать образ Кассии.

– Эвелин, вам нехорошо? – раздался глубокий бархатный голос с мягкими нотками заботы и обеспокоенности.

Воительница подняла на него взгляд. Отец Джеймс стоял рядом. Он участливо, едва ощутимо коснулся её локтя, даря поддержку, которую... которую она не просила. Которая ей была не нужна. Внутри зажглось раздражение. Что он себе позволяет? Думает, что ей нужно его сочувствие? Как какой-то барышне? Решил, что она сейчас при виде мертвеца в обморок грохнется? Смешно! И руки свои пусть подальше от неё держит! Спаситель чертов! Пусть в своей церкви спасает заблудших!

Гневные мысли не сорвались с губ. Почему-то. И руку свою у него не вырвала. Легкое прикосновение остро ощущала даже через ткань куртки. Синева его глаз снова заворожила, не давая выбраться из плена пристального внимания.

– Дорогуша, какие умозаключения? – издали крикнул Хадвин, возвращаясь с осмотра территории заброшенного дома.

Эвелин отступила на шаг от отца Джеймса, поежилась, приходя в себя. Всё-таки у его глаз странная власть над ней. Пугающая и манящая одновременно.

– В процессе, – проворчала воительница и перевела взгляд на убитую, осматривая.

Помимо девушки Эвелин исследовала близлежащее пространство на предмет орудия убийства. Конечно, здесь уже прошли несколько раз люди комиссара, да и сам Хадвин, но все равно стоило взглянуть самой. Всё, что увидела, не давало никаких подсказок и не открывало причины произошедшего, поэтому воительница ограничилась скудным пересказом обнаруженного, надеясь, что проговоренное вслух поможет ей в понимании.

– Итак, – сказала Эвелин, возвращаясь к комиссару. – Судя по следу на шее, девушку задушили какой-то веревкой, достаточно толстой. Нападавший зашел со спины и был практически вне зоны действия её рук. Под ногтями жертвы не видно кровавых подтеков и других частиц, свидетельствующих о том, что девушка могла дотянуться до убийцы.

– Думаешь, она, отбиваясь, расцарапала б его лицо, если бы он стоял перед ней? – уточнил комиссар, рассматривая тело и лениво жуя сорванную травинку.

– Не факт, но возможно, – ответила Эвелин. – И всё же... Скажи своим, чтобы детально рассмотрели тело, мало ли заметят что... – комиссар согласно кивнул, и воительница продолжила: – Он был выше жертвы. Опять же, это можно понять по характерному следу от веревки, идущему немного снизу вверх. Мужчина. Однозначно. Женщина действовала бы более изощренно, да и тут сила нужна.

– Смотря какая женщина, – Хадвин глумливо хмыкнул, бросая на Эвелин насмешливый взгляд.

Воительница окинула комиссара тяжелым взглядом и медленно, вразвалочку двинулась навстречу. Он следил за её приближением, всё ещё посмеиваясь.

– Такая женщина, как я, – вкрадчиво произнесла Эвелин, останавливаясь возле Хадвина, – не стала бы возиться с веревками, а ограничилась бы одним ударом. – Стремительно мелькнуло лезвие кинжала в её руке. Хадвин тоненько пискнул: одна рука воительницы крепко держала его шею, не давая дернуться, а вторая прижимала острие оружия к ребрам комиссара. Женщина склонилась к самому уху и томно прошептала, сильнее прижимая кинжал к телу мужчины: – Бить нужно сюда, под углом, снизу вверх. Так можно достать сердце.

Хадвин нервно сглотнул и едва слышно прохрипел:

– Я понял...

– Хорошо, – холодно сказала Эвелин и резко отпустила руки. Комиссар от неожиданности качнулся, а потом схватился за своё сердце. Помощники Хадвина и городская стража оторопело смотрели на воительницу. Их смятение на лицах и попытки решить, что это сейчас было, так отчетливо читались на лицах, что женщина поспешила примирительно поднять руки: – Всё в порядке ребята, я просто комиссару показывала, как могут убивать. Эксперимент. Правда, Хадвин? – последнее она выделила голосом.

Хадвин махнул рукой, давая понять, что всё нормально, а потом достал из своего мятого пиджака сигару, поднес к самому носу и глубоко втянул носом её аромат.

Эвелин мысленно корила себя за несдержанность. Чуть не попала в неприятности на глазах у всей стражи. С таким количеством свидетелей потом не отмахнешься от обвинений. Страх в глазах случайных зевак её радовал: не повадно будет лишний раз лезть, да и на руку репутации, но всё же надо осторожнее.

Сумасшедшие дни, лишаящие её холодного ума. Эвелин устало потерла шею и откинула назад волосы. Надо закончить уже с этим делом и скрыться от пристального внимания. Его внимания... Она знала, что отец Джеймс смотрит на неё, для этого не нужно было поворачиваться. Вот только в отличие от всех остальных он не боялся её, почему-то была уверена. Скорее, изучал, как тогда в обители... Не собиралась поворачиваться. Планировала быстро договорить с комиссаром и уйти. Но... обернулась. Взгляд синих глаз служителя сиял... восхищением... Эвелин растерянно выдохнула, не ожидая такого. И раньше, чем её сердце успело взволнованно ускорить свой бег, отец Джеймс отвернулся. Впервые он сам отвел взгляд, сосредотачиваясь на молитвеннике, что держал всё время в руке.

Женщина прокашлялась, пытаясь избавиться от неожиданно охрипшего голоса, и быстро заговорила, обращаясь к Хадвину:

– Девушку убили в другом месте, сюда принесли и уложили. Мусора на участке много, но конкретно это место расчищено. Вокруг ничего. Ни разбитых стекол. Ни веток. Ни бумажек. Убийца, очевидно, готовил его заранее. А это дает право утверждать, что убийство не было случайным. Из посторонних предметов я бы обратила пристальное внимание на вот эту разбитую бутылку: земля под ней влажная, значит, она разбилась недавно, проливая содержимое. Можно узнать, где продают алкоголь в таких бутылках, затем поспрашивать соседей, кто-то что-то мог видеть. Ну и, конечно, вложенная в руку жертвы красная роза...

– Создатель! Какое несчастье! Я только что узнал! Какое горе! Как же так?! – причитал на ходу спешащий к ним отец Патрик.

– Черт принес ещё одного, – раздраженно проворчал Хадвин. Эвелин редко соглашалась с комиссаром, но тут полностью разделяла его чувства. Ещё один служитель – это, пожалуй, слишком.

– Такая юная, красивая, – жалобно подвывал отец Патрик, поочередно то заламывая руки, то обнимая молитвенник. Небесно-голубые глаза служителя, полные слез, посмотрели на Хадвина с мольбой. – Комиссар, вы должны найти виновного! Такое не должно больше повториться...

– Конечно, отец Патрик, не беспокойтесь, найдем, – уже более миролюбиво сказал Хадвин.

Эвелин решила, что увидела и услышала на сегодня достаточно, поэтому развернулась и не прощаясь направилась прочь. Правда, недалеко. Следующая фраза заставила её резко остановиться.

– Роза! – воскликнул отец Патрик. – Опять цветок в руке! У прошлой убитой тоже был цветок...

– Лилия, – холодно и немного надменно промолвил вдруг отец Джеймс, окидывая служителя Патрика внимательным взглядом. – В прошлый раз у убитой в руке лежала лилия.

Отец Патрик смахнул с уголка глаз проступившую слезу и принялся бормотать молитвы. Эвелин переводила изумленный взгляд с отца Джеймса на комиссара и обратно. Судя по реакции Хадвина, тот тоже удивился осведомленности молодого служителя.

– Прихожане рассказывали, – бросил отец Джеймс воительнице, недовольно хмурясь.

– Я ничего не спрашивала, – медленно проговорила женщина, по-новому смотря на служителя, чувствуя неясную тревогу.

– Вы громко подумали, – голос его вернул бесстрастность. Сдерживаемый внутри гнев угадывался лишь по цвету глаз отца Джеймса, что стали ярче. – Это все в городе знают. И мне эту историю посчитали нужным пересказать несколько десятков раз разные люди. Прошу извинить, раз отец Патрик здесь, то в моем присутствии уже нет нужды.

Эвелин провожала его высокую фигуру взглядом до тех пор, пока толпа не поглотила его силуэт, и только потом позвала Лесли и побрела прочь от чужого последнего пристанища.

Глава 5

Её план: забыть на остаток дня про утреннее событие и прогуляться по городу – потерпел крах. Эвелин не могла ни о чем другом думать. Любопытство уже через пару часов привело её в кабинет комиссара, где она попросила материалы дела и отчеты по прошлому убийству. Право посмотреть эти документы дома, а не при комиссаре, пришлось отвоевывать грязным шантажом, но Эвелин было не привыкать. Пять минут споров, угроз и... победа!

Женщина уютно расположилась за столиком под навесом. Она всегда его занимала, когда ела в таверне. С этой позиции открывался вид на балкон её дома. Привычка всегда быть начеку заставляла воительницу обращать свой взор на второй этаж, где располагалась её комната. Вряд ли кто-то из воров осмелится проникнуть в её дом: умом понимала, но ничего с собой поделывать не могла. Сейчас же эта привычка была откинута. Всё внимание воительницы занимали расположенные перед ней листы и зарисовки тела убитой.

– Не помешаю?

Эвелин от неожиданности вздрогнула, с губ сорвалось ругательство. Перед столиком стоял отец Джеймс и испытывал её взглядом. Она не сразу поняла, что не так, от этого стала пристально рассматривать его в ответ.

Одежда! На нем вместо одеяний служителя была темная строгая рубашка, жилет и классические брюки. Смотрелось элегантно. И... необычно. Её откровенный взгляд и удивление развеселило его. Отец Джеймс широко улыбнулся.

– Отец Джеймс, вы умеете улыбаться? – её шок не уместился внутри и вырвался вместе со словами.

– Да, – ответил он, пряча улыбку, оставляя веселым лишь блеск глаз, – ещё я умею смеяться, но думаю, это будет не к месту. Я присяду? – он, не дожидаясь её ответа, сел напротив.

– Вы меня преследуете? – настороженно спросила она. – Второй раз за последние дни вы оказываетесь рядом. Я не верю в такие совпадения.

– На сей раз я целенаправленно пришел, чтобы пообедать с вами, – спокойно ответил служитель.

– Зачем? – не поняла она.

– Зачем пришел? Или зачем обедать? – решил уточнить он, попутно поднимая руку, подзывая официантку.

– Зачем искали моего общества, – грубо пояснила Эвелин, начиная терять терпение.

Он поймал её взгляд своим прямым и серьезно сказал:

– Вы мне интересны.

– Почему?

Её искреннее недоумение вызвало у него смех. Он громко и открыто рассмеялся, чуть запрокидывая голову назад. Его обычно серьезное лицо искрило сейчас задором и радостью, легкостью, присущей в основном молодым людям. Она невольно залюбовалась его красотой. Восхищение почти сразу разбавилось грустью. И Эвелин впервые осознала, насколько он был... юн...

Настроение стремительно портилось, желание забрать документы и уйти к себе, не дожидаясь еды, росло с каждым мгновением.

– Простите, Эвелин, – он почувствовал её перемену и снова стал серьезным. – Я ни в коем случае не хотел вас обидеть. Вы, правда, мне интересны, как человек. А теперь, когда я поселился в вашем доме, я смею надеяться на дружбу и на совместные трапезы, хоть иногда. Всё-таки соседи.

– Другого жилья не нашлось? – раздраженно спросила она. Расшифровать, что стояло за его словами, было сложно, но поверить в искренность ещё сложнее.

– Скажем так. Этот район относительно безопасен: сказывается ваше присутствие. Здесь приемлемые цены на комнату. Плюс неплохо кормят, да и до церкви недалеко. Я удовлетворил ваше любопытство?

Эвелин скептически хмыкнула и снова уставилась в разложенные бумаги. Решила, что открытое игнорирование подскажет служителю, что ему здесь не рады. Подошла официантка спросить, что будет заказывать новый постоялец.

– То же самое, что и моей прелестной спутнице, – негромко сказал отец Джеймс.

Прелестной спутнице? Эвелин медленно перевела взор с бумаг на мужчину, одаривая его тяжелым взглядом. Она чуть дождалась ухода официантки. Зубы сводило от злости и желания избавить обитель Кравина от одного служителя. Воительница подалась ближе к мужчине, чуть наклоняясь через стол, негодуя сузила глаза.

– Я не знаю, какую вы игру затеяли, отец Джеймс, – её голос сочился ядом. Звучавшую угрозу она не думала прятать. – Но лучше вам держаться от меня подальше. Ради вашего собственного блага.

– Что вас смутило в моем поведении и моих словах? – невозмутимо поинтересовался мужчина, не пряча взгляда и открыто смотря в ответ.

– Всё! Сначала вы каким-то чудом появляетесь в таверне, где я пью, потом на месте преступления! Затем селитесь в доме, где я живу! А теперь непонятные комплименты! Интересна? Прелестная спутница? Серьезно? Вы в зеркало себя видели? Вам двадцать пять! Какая я вам спутница?

– Не думал, что возраст имеет значение для обычного человеческого общения, – с легкой иронией произнес он, а потом, словно поддавшись эмоциям, тоже наклонился в её сторону, становясь взволнованнее, опять переходя на «ты», – или ты сейчас не об этом?

Собственный выпад сразу показался Эвелин глупым и неуместным. И правда, что это с ней? При чем тут возраст? Они же просто говорили... Просто она... и... Мысли стали путаться. Причина изначальной злости ускользала, принося растерянность...

– Мне не нравится! – выпалила она невпопад, пряча за грубостью неожиданное смятение.

– А мне нравится, – он стал ещё немного ближе, – говорить правду. Я нахожу вас интересной и привлекательной. Почему я должен это скрывать?

Это не было похоже на игру, да и на флирт тоже. Он говорил искренне. Именно это и ставило Эвелин в тупик. Она не могла понять, как себя надо вести. Внезапно посетившая мысль, что, возможно, он со всеми такой, больно кольнула. Эвелин невольно поморщилась.

– Я не хотел вас расстроить, простите... – даже голос звучал искренне.

Его ладони вдруг накрыли её сжатые в кулаки руки. Прикосновение было таким, как она себе и представляла. Теплым, сильным, уверенным, волнующим... Её пальцы непроизвольно расслабились. Несколько секунд сумасшествия и промелькнувшего желания сидеть так с ним долго... а потом она опомнилась. Вместе с ним. Мужчина одернул свои руки и отодвинулся, откинувшись на спинку стула. Глаза на неё не спешил поднимать. Впрочем, и она тоже.

Затянувшаяся пауза сильно нервировала, а воспоминания прикосновения заставляли смущаться. И впервые в своей жизни Эвелин захотела трусливо сбежать. Как глупый подросток... Это злило и шокировало одновременно. Когда официантка принесла еду, воительница облегченно выдохнула, а когда услышала такой же со стороны служителя, то невольно улыбнулась, радуясь, что глупо сейчас себя чувствует не одна она.

Ароматы свежеприготовленного мяса взбудоражили дремавшую в ногах Лесли. Собака приподнялась, усаживаясь, положила морду на ногу хозяйки и тоненько заскулила. Блестящие, черные глаза выражали смирение и молили об угощении, заглядывали в душу, ища там совесть.

Эвелин не реагировала, тогда Лесли негромко твякнула и снова заняла просящую позицию на ноге.

– Отстань, ты же ела полчаса назад, – проворчала женщина, но всё равно отрезала кусочек мяса и отдала Лесли. – Всё... не мешай! И не капай мне слюнями на штаны!

Лесли заглотила угощение и перебежала к мужчине, повторила трюк с поисками сочувствия, укладываясь на его ногу и заглядывая в глаза.

– Лесли! – позвала Эвелин, но собака не реагировала. – Иди сюда! Не приставай!

– Всё в порядке! Она мне не мешает, – служитель ласково погладил собаку и угостил её кусочком мяса. Лесли решила не ограничиваться одним подношением и добавила к морде, лежащей на ноге, свою лапу.

– Джеймс, прогони её... – недовольно произнесла Эвелин, поражаясь наглости своего питомца. Очевидно, чары мужчины действовали не только на представительниц прекрасного пола среди людей, но и на собак.

От её неофициального обращения Джеймс едва заметно улыбнулся, а Эвелин нахмурилась, сердясь на себя.

– Давай договоримся, – сказал он, решив сразу погасить её недовольство, – в неформальной обстановке, вне стен обители или наедине, будем просто Джеймс и Эвелин. Никаких отцов, господинов...

Наедине... Просто Джеймс и Эвелин... Она поспешила выкинуть из головы дурацкие мысли, что при этих словах настойчиво просились, волнуя. Согласно кивнула.

– Что узнала из бумаг о предыдущей жертве? – спросил Джеймс, бросая взгляд на документы, что лежали в папке на краю стола.

Эвелин не могла решить: вопрос подозрительный или всё же просто вежливый, для поддержания разговора? Несколько секунд на обдумывание, и женщина довольно улыбнулась.

– Расскажешь все сплетни, что принесли тебе прихожане, тогда поделюсь информацией от комиссара, – сказала воительница, мысленно ухмыляясь: представила, как бы перекосило Хадвина от разглашения закрытой информации, – но при условии хранения тайны. Служителю же можно верить? – решила она предъявить последний аргумент.

– Не знаю, можно ли верить служителю, но мне верить можно, – парировал тот, смотря прямо в глаза.

Странная уклончивая фраза. Станный изучающий взгляд. Загадки, которые воительница решила оставить на потом. Эвелин вопросительно приподняла одну бровь, ожидая начала рассказа. Джеймс жестом указал на её остывающую еду, ещё раз угостил Лесли и сам возобновил трапезу. Рассказывать начал, только когда официантка унесла пустые тарелки.

– Не хотел портить аппетит грустными разговорами, – пояснил он. – Итак, Кристен Браун, девушка двадцати лет, примерная прихожанка, в седьмой день недели бывала в обители. По рассказам её все любили. Единственная дочь у своих родителей. Кто-то говорил, что она была в кого-то влюблена, кто-то утверждал, что за ней ухаживали... – он недовольно нахмурился, последующую фразу произнес слегка брезгливо: – Ничем не подтвержденные слухи. Я слышал разные версии одной и той же истории. Рассказал наиболее популярную.

– Её нашли убитой на окраине Кравина недалеко от западных ворот, – в свою очередь продолжила она. – Задушена. Следов борьбы обнаружено не было. Нападавший, как и в случае с нашей второй убитой, напал со спины. В руке цветок. Белая лилия. Судя по зарисовке, убийца аккуратно положил тело. В показаниях соседей и родителей ничего существенного. Только общие данные, – Эвелин задумчиво покрутила в пальцах кончик своего локона, а потом немного пожевала его, размышляя уже вслух сама себе: – Надо бы самой поговорить с родителями и подружками девчонки. Люди Хадвина могли что-то упустить из вида.

– Не думаю, что будет польза. Я говорил с родителями Кристен, – сказал вдруг Джеймс, – они до сих пор убиты горем, ничего вразумительного сказать не могут. Твердят о её чистоте и невинности, о красоте души...

– А что они ещё скажут служителю? – усмехнулась Эвелин. – Что она сбегала по ночам, что с подружками вино пила в таверне? Что она с соседским парнишкой уединялась иногда в снятых комнатах таверны? Это они должны были сказать служителю?

– Это предположение? – спросил он, устремляя на неё внимательный взгляд. – Или проверенная информация?

– Меня вот удивляет совсем другое, – Эвелин откинулась на спинку стула и нахально уставилась на мужчину, – я говорю о непристойностях в поведении молодой особы, а юный служитель воспринимает это спокойно. А где же причитания о нравах? Где призывы к благочестию?

– Если это необходимо, то могу пригласить тебя на беседу к отцу Патрику, – он никак не отреагировал на её провокацию.

– Ох, уволь... – воительница содрогнулась при мысли о том, что будет сидеть возле светловолосого служителя, чьи небесно-голубые глаза вызвали у неё желание скрыться.

– Он не нравится тебе? – Джеймс заметил, как переменилось её лицо.

– Неприятный тип и всё, – она решила не вдаваться в подробности.

– А я?

– Что ты?

Эвелин поняла, что спрашивал Джеймс, но хотела, чтобы спросил сам: приятен ли он ей. Хотела подразнить и заставить отвести глаза первым... Она окинула его изучающим дерзким взглядом, кончик своего локоня снова прикусила и медленно пожевала.

– Создатель, – выдохнула она пораженно и тут же тихо ругнулась. Кожа покрылась мурашками ужаса. Эвелин осознала, что именно сейчас делала... флиртвала... Внутри всё похолодело. – Создатель, – снова зашептала она, стала нервно складывать бумаги в папку, собираясь поскорее избавиться от наваждения, у которого было лицо служителя Создателя.

Джеймс никак не комментировал внезапную активность воительницы, лишь глазами следил за её движениями.

– Отец Джеймс! Как я рада вас видеть! – воскликнула подбежавшая к их столику Кассия. – Надеюсь, моя сестра несильно утомила вас своей грубостью?

Последний вопрос Кассии вызвал у Эвелин бурю возмущения, разом выветривая недавнее смятение и растерянность, возвращая привычное состояние духа.

– Что вы, – промолвил Джеймс, переводя взгляд с девушки на воительницу, – столь красивая женщина не может меня утомить.

И хоть сказано это было обычным, вежливым, ничего не выражающим голосом, Эвелин стало жарко. Двусмысленность фразы захватила её чувства. Правда, всего на мгновение. Сестра снова разом отрезвила её.

– Вы так галантны! И всё же прошу простить, если что не так...

– На минутку, – процедила сквозь зубы Эвелин, грубо схватила сестру под локоть и потащила за собой в сторону. Потом остановилась и резко развернула на себя, заставляя смотреть в лицо. – Ты говоришь только от своего имени! И извиняешься только за себя! – процедила она сквозь зубы. Сдерживать ярость было крайне сложно, кулаки непроизвольно сжались. – Запомни это раз и навсегда! И ещё! Моя личная жизнь, мой возраст, мои помыслы и планы тебя не касаются!

– Тогда не лезь в мои! – рассердилась в ответ Кассия.

– Перестану, когда ты уже начнешь зарабатывать и жить не за мои деньги!

– Я скоро выйду замуж и перееду от тебя!

– Отлично! И кто же счастливеец? – съязвила Эвелин.

– Отец Джеймс! – тихо сказала девушка и с опаской глянула через плечо сестры на всё ещё сидящего за столом служителя.

– А он в курсе? – ядовито выпалила воительница.

– Он открыто не говорил о том, что я нравлюсь ему, но это и так понятно. Он переехал сюда, чтобы быть ближе ко мне. И с тобой пытается подружиться, задобрить, чтобы ты не противилась нашим будущим отношениям! – Она вдруг глубоко вздохнула, просяще посмотрела на Эвелин. Заговорила уже мягко и с теплотой: – Эвелин, он правда очень-очень нравится мне. Когда я смотрю на него, моё сердце начинает стучать чаще, радостнее. С ним мне хочется улыбаться. Я мечтаю о дне, когда он возьмет меня за руку и назовет своей. Пожалуйста, не испортить ничего. Я не хочу, чтобы он плохо думал о моей семье.

Выдавить из себя «хорошо» Эвелин так и не смогла. Оно плотно застряло вместе со сковавшей горло горечью. Воительница развернулась и направилась обратно к столику, схватила папку, грозно рявкнула Лесли, зовя за собой, и собралась уходить, как Джеймс сказал:

– Эвелин, уже уходишь? Нам сейчас чай подадут...

– У меня срочные дела. До свидания, отец Джеймс.

Она размашистым шагом поспешила прочь, но прежде чем скрыться за поворотом, всё же обернулась. Кассия сидела напротив служителя и мило ему улыбалась, о чем-то говоря...

Глава 6

Эвелин быстро шла, не разбирая дороги. Слова сестры гнали её, вызывая желания закричать. Гнев затопил разум. Жгучая ненависть к Кассии разливалась по венам, пугая. Эвелин понимала, что нельзя испытывать такие чувства к родному человеку, но не могла успокоиться. Желание вернуться в таверну и схватить девушку, заставить забрать свои слова обратно, сжимало руки в кулаки.

Он переехал сюда, чтобы быть ближе ко мне. И с тобой пытается подружиться, задобрить, чтобы ты не противилась нашим будущим отношениям...

Маленькая лгунья! Всё придумала!.. Эвелин резко остановилась и зажмурилась, закрывая глаза кулаками. Глубоко задышала. Нужно выровнять дыхание. Успокоиться. Подумать. Ничего же не произошло. Это просто отголоски прошлых дней. Вот и не может выровнять своё состояние. Поэтому всколыхнуло ничего не значащие слова. Это разочарование от обмана Рокфорса дает о себе знать...

Она тоже лгунья, как и Кассия... Рокфорс ни при чем... Он мерк по сравнению с сиянием серьезных синих глаз юного служителя Создателя.

– Я нахожу вас интересной и привлекательной. Почему я должен это скрывать?

Эвелин поверила ему... она верила и сейчас... не врал... знала откуда-то, чувствовала... Это открытие разом выбило гнев и обиду на сестру, сменяясь ужасом. Ведь... ведь так не должно быть!

Его ладони вдруг накрыли её сжатые в кулаки руки. Прикосновение было таким, как она себе и представляла. Теплым, сильным, уверенным, волнующим... Её пальцы непроизвольно расслабились. Несколько секунд сумасшествия и промелькнувшего желания сидеть так с ним долго...

Сердце отозвалось волнением от одного только воспоминания.

– Создатель, – потрясенно выдохнула воительница, пугаясь ещё больше отклика своего тела на то его касание.

Так быть не должно... Он юн... служит в обители... а она... она...

Бежать.

Воительница развернулась и понеслась обратно к таверне.

Эвелин вывела Ласточку из стойла, вскочила в седло и помчалась по улицам города. Прохожие с громкими криками разбежались в стороны, осыпая вслед проклятиями. Ей было всё равно. Соглашение с комиссаром лишало шанса осмотрительности и взвешенности: не нужно больше беспокоиться о взысканиях.

Город сменился аккуратными золотистыми полями, но Эвелин направила лошадь на север к виднеющейся полосе леса. Туда, где можно оставить в бою своё смятение, что терзало её сейчас.

Некоторые участки леса были излюбленными местами для монстров. К городу порождения тьмы подходили редко, поэтому истреблять их маги не посчитали нужным. Да и монстры служили естественной защитой границы этого кусочка территории. И хоть война с империей Азуриан закончилась больше тридцати лет назад, правитель королевства никогда не терял бдительности.

Ветер бил в лицо, ветки мелькали по бокам, лес с каждым метром становился всё более угрюмый и всё менее проходимый. Страх Ласточки Эвелин чувствовала, но... не могла повернуть назад. Тогда будет страшно ей. От своих мыслей. Неправильных...

Треска веток, предшествующих появлению чудовища, Эвелин не услышала из-за шума ветра.

Увести в сторону Ласточку воительница не успела. Кракх, самый крупный представитель чудовищ местных окрестностей, вырос на пути, сияя краснотой зрачков и хищно скаля пасть. Лошадь резко дернулась в бок. Эвелин к маневру оказалась не готова. Приземление было болезненным, но позволить себе слабость нельзя. Любая секунда могла стать последней. Воительница вскочила на ноги, сразу же принимая боевую стойку, покрепче перехватывая свой меч.

От кракха не убежать, догонит. Но она и не собиралась, даже если б могла, он был её спасением от смятения, поселившегося в душе.

Человеческий крик ярости заглушил страшный рокот, которое чудовище исторгло из своей груди. Сближаться начали одновременно. Огромные лапы кракха, оплетенные мышцами, больше похожими на кору дерева, заканчивались когтями-лезвиями и не давали подобраться к единственному слабому месту: грудной клетке, где прореха в мышцах приоткрывала доступ к сердцу.

Эвелин знала, что её удары мечом не нанесут вреда лапам твари, но всё равно была и отбивалась, через гнев и ярость спасаясь от самой себя... Сплетение корней мешало перемещению, и как бы воительница не была осмотрительна, в один момент нога зацепилась за выпи-

рающую часть дерева. Эвелин упала. Резво вскочить не получилось, ступню и лодыжку жгло словно огнем.

При виде своей добычи, которая лежала на земле, а не мельтешила, кракх исторг радостно-предвкушающий рокот. Женщина вонзила меч в землю и, опираясь на него, постаралась подняться. Понимала, что не успеет увернуться, но сдаваться без боя не собиралась. Не в её правилах. Смерть воина только с оружием в руках.

И как бывает в последние секунды перед смертью, время замедлило восприятие, даря возможность насладиться драгоценными мгновениями жизни. Чудовищная лапа кракха стала рассекать воздух, приближаясь к человеку. Эвелин не раз бывала в боях, но так близко к смерти – никогда. Говорят, в последние мгновения вся жизнь проносится перед глазами, но в её памяти всплывали только последние два дня и внимательные, изучающие её синие глаза человека, который решил посвятить свою жизнь служению Создателя.

Лапа чудовища не долетела. Ярко-рыжая собака вцепилась мертвой хваткой в древесные мышцы кракха. Секундное замешательство порождения тьмы Эвелин не упустила, с криком, на сей раз полным боли: пришлось в два прыжка сократить расстояние и наступить на больную ногу – она вонзила по самую рукоятку меч в прореху грудной клетки кракха. Чудище ещё раз взмахнуло лапами, стряхивая с себя собаку и откидывая человека, и упало на землю, булькая собственной кровью из открытой пасти.

Эвелин испуганно посмотрела в сторону, куда отлетела Лесли, и не заметила лапу монстра, что уже, отходя в мир иной, напоследок постарался дотянуться до своей несостоявшейся добычи. Острое лезвие когтя кракха легко вспороло одежду Эвелин, оставляя глубокую рывину на самом теле.

Женщина закричала и упала, зажимая края раны рукой. Пальцам стало теплее. Кровь сочилась сквозь пропоротую ткань куртки, медленно заливая весь рукав. На глазах проступили слезы. Ругательства, все, какие знала, Эвелин тихо злобно бормотала в сжатые зубы. Лесли побежала к воительнице и стала суетливо переминаясь, слизывая струящиеся по лицу хозяйки слезы.

– Лесли, приведи Адель, – прохрипела женщина. Собака заскулила, не решаясь оставить хозяйку. Эвелин сказала уже злее: – Приведи Адель. Скорее. Ну же... Ты же помнишь, где она живет... Знаю, что помнишь... Скорее...

Лесли сорвалась с места и умчалась. Эвелин провожала её глазами, пока рыжая спина не растворилась в зарослях, а потом перевела взгляд на мертвого кракха. Только сейчас она увидела, что чудище упало на брюхо, мордой вниз, погребая под собой застрявший в его груди меч.

– Твою ж мать... – процедила она сквозь зубы, ненавидя весь мир, начиная с самого главного, с Создателя.

Она позволила ещё пару минут жалости к себе, а потом медленно, стараясь не тревожить ногу и по возможности руку, поползла к ближайшему дереву. Надо хотя бы спину защитить.

Мучительно долго... Каждое движение отдавало пульсацией в раненой руке, утомляя, лишая сил. Эвелин не думала, что умрет от потери крови, скорее просто потеряет сознание от слабости и станет добычей очередного монстра.

– Радостная перспектива, – вслух сказала воительница и иронично усмехнулась. – Быстрее Лесли... быстрее...

Она отпустила свою окровавленную руку лишь на мгновение: достала кинжал из-за пояса и положила рядом с собой, а затем снова зажала рану. Первое время Эвелин цепко осматривала окружающий лес, прислушивалась, боясь пропустить приближение врага, а потом устала... Закрыла глаза лишь на мгновение и сразу же провалилась в спасительное забытие.

– Эвелин! Ты меня слышишь? Эвелин! Очнись!

– Неужели я всё-таки попала в рай, раз за мной прислали святошу... Да ещё какого... – ответила она своей галлюцинации, которая говорила глубоким бархатистым голосом.

– Сколько крови, Создатель! Нужно перевязать тебя и отвести к лекарю!

– Забавно, – пробормотала она, не открывая глаз. – Чем будешь перевязывать? Снимешь с себя рубашку, оголишь торс, разрежешь ткань на лоскутки... Это так романтично...

– Я собирался отрезать ткань подклада пиджака, – в его голосе проскользнула насмешка.

Послышался звук разрываемой материи. Эвелин в ужасе распахнула глаза, вдруг понимая, что ей это не привиделось, что перед ней и правда каким-то непостижимым образом сидит Джеймс.

– Отец Джеймс! – воскликнула она.

– Ну вот опять, – упрекнул он её, не прерывая своего занятия, – не ты ли мне каждый раз напоминаешь про возраст? Так какой же я тогда отец?

– Святой, – глупо ответила она, всё ещё пребывая в шоке.

– Если бы мне сейчас не было так страшно за тебя, то я счел бы шутку уместной, – серьезно сказал мужчина. – Надо снять твою куртку и перевязать рану. Рубашку оставим на месте и ничей торс оголять не будем. Ни твой, ни мой.

– Простите, отец Джеймс, я думала, я брежу... – к глупости происходящего добавился стыд, который залил её щеки краской смущения.

– Джеймс, – поправил он её и вдруг усмехнулся. – Интересный у тебя бред.

И снова её захватило ощущение двусмысленности сказанной фразы. Она едва слышно простонала от разочарования. Надеясь, что вместе с гневом в бою выйдет и придурь собственных дум. Не помогло.

Джеймс понял её стон по-своему и заторопился, помогая поскорее освободиться от куртки. Быстро, со знанием дела перевязал рану.

– Главное, добраться до лекаря. Забраться на лошадь сможешь? – он окинул её обеспокоенным взглядом.

– Выбора нет. Придется забраться. Поможешь? Я, кажется, вывихнула ногу. Но сначала заberi меч. Он остался в кракхе.

Отобрать оружие у монстра было сложно – мертвая туша весила много. В какой-то момент Эвелин подумала, что ничего не получится: слугитель Создателя вряд ли был силен физически, но... Мужчина повернул кракха набок, выдернул меч и вытер его о лохматый загривок чудища, вернул воительнице. После Джеймс наклонился, подставил шею, чтобы Эвелин могла ее обвить здоровой рукой, а сам приобнял её за талию, делая рывок, приподнимая.

– Вот так, молодец, – похвалил он её, когда вертикальное положение всё же было принято. – А сейчас ещё пару шагов...

Забраться на лошадь получилось с первого раза. Наверное, действовало благословение Создателя и живительная сила грязных ругательств, которые воительница не смогла удержать в себе, когда ушибленную ногу и ноющую руку пришлось потревожить.

– Удержишься в седле сама? – обеспокоенно спросил он, смотря на неё снизу вверх.

Разумнее было сказать «да». Да и не неженка она. Справится. Не первое её ранение. Бывало и хуже. Но... проклятое «да» тонуло в желании ощутить его близость. И пока доводы её разума отвоевывали право быть услышанными, Джеймс сел сзади, забрал у неё поводья и подстегнул лошадь.

– Как ты нашел меня? – спросила она, чтобы хоть что-то спросить.

– Я видел, как ты умчалась прочь, словно за тобой гнались все демоны мира, а когда вернулась твоя лошадь, понял, что случилось что-то плохое.

Так и было. За ней гнались все демоны мира. Её демоны, что сейчас замирают вместе с ней, периодически забывая дышать. Спина чувствовала его тело, волнуясь и желая ещё немного

поддаться назад и быть теснее. А его дыхание, что касалось её уха, беспокоило так же сильно, как и полученная рана.

Она мысленно одергивала себя, что он слишком юн, что он не для неё, а для Создателя, что ничего о нем не знает и что за два дня нельзя чего-то захотеть... Но... Лесная глушь. Он. Она. Его дыхание на её коже. Его руки, что держат поводья и притягивают взгляд... И мысли... От которых не убежать... Не здесь... Безумие...

– Зачем ты поехала в эту сторону одна? – спросил он тихо. – Здесь опасно.

– Я всегда путешествую одна. Это моя работа. В этот раз просто немного не повезло.

– Ты могла умереть! – его голос дрогнул.

– Ты тоже... – сердито проворчала она. – Ты не воин, а помчался меня спасать. А если бы я не убила кракха, он мог тебя ранить... Никогда не делай так больше! Не спасай меня. Я могу сама о себе позаботиться, – и горько усмехнулась, добавляя: – Не маленькая.

Он переложил поводья в одну руку, а второй – обвил её талию, прижимая к себе чуть сильнее. Эвелин не знала, насколько это было необходимо: она ведь не падала и надежно сидела, но... такое же проклятое «но», как и «да», что не могло сорваться с губ. Но... она не хотела отстраняться. Эвелин откинула голову ему на плечо и закрыла глаза, позволяя себе забыться и позволяя просто быть. Здесь и сейчас. С ним. В этом мгновении.

Лесли при виде своей цели разразилась радостным лаем, ускоряясь. Эвелин довольно улыбнулась, испытывая в этот момент прилив гордости и любви: её девочка очередной раз справилась и вернулась! Но улыбка сразу погасла. Лицо бегущей следом магнессы не сулило ничего хорошего.

– Вот сейчас мне точно не поздоровится, – буркнула Эвелин.

– Кто это? – настороженно спросил Джеймс.

– Адель, моя подруга. Магнесса воды и лекарь. У неё есть целебные зелья. Я посылала Лесли за ней.

– Что-то она несильно торопилась, раз я смог добраться до тебя первым, – недовольно сказал мужчина. Ответить Эвелин не успела.

– Эвелин! – воскликнула подбежавшая магнесса. Красивое лицо покраснелось от бега и злости. – Что понесло тебя в эту часть леса?! Сумасшедшая! Никакие монеты не стоят жизни! Если тебе они так нужны, ты всегда можешь взять у меня! К чему этот необоснованный риск?!

Эвелин морщилась от её громких возгласов, но терпела. Понимала, что если остановить Адель и не дать высказать всё, то будет только хуже. Магнесса будет выдавать ей свою тревогу и недовольство маленькими порциями и о-о-очень долго. Они не раз проходили это, Эвелин привыкла уже.

Магнесса вдруг замолкла, меняясь в лице, бледнея. Взгляд карих глаз девушки скользнул по мужчине, сидящем позади подруги, а потом сместился на саму Эвелин и остановился на руке Джеймса, что обнимала талию воительницы. Серебристые линии на коже руки Адель, какими обладали все маги, стали ярче, выдавая вспыхнувший гнев и готовность к бою.

– А это, я так понимаю, – неожиданно холодным тоном сказала магнесса, переводя взгляд на подругу, – тот странный тип, про которого ты говорила.

Эвелин стало неловко за подругу, захотелось извиниться перед Джеймсом и оправдаться самой, но слова замерли. Воительница вспомнила недавнее поведение Кассии и смолчала, мысленно пообещав вести себя приличней, впервые понимая, что её сестра испытывала, когда она, Эвелин, открыто хамила людям.

– Мы благодарны вам за помощь, отец Джеймс, – голос магнессы стал глубже, приобретающая язвительные, вкрадчивые интонации на грани угрозы. Слово «мы» Адель выделила. – Я сейчас дам подруге лекарство, которое избавит вас от необходимости сидеть рядом с ней и придерживать за талию.

Магнесса извлекла из своей сумки несколько колбочек и протянула Эвелин. Когда та послушно выпила, то спрятала пустые пузырьки обратно и с вызовом посмотрела прямо слуге в глаза. Неприкрытая агрессия магнессы по отношению к отцу Джеймсу удивила воительницу. Эвелин не понимала причин, да и никогда не думала, что её нежная и милая подруга способна на такое. И снова вспыхнуло желание объяснить слуге, что Адель не такая, что, очевидно, сказалось волнение.

Эвелин почувствовала, как напряглось тело Джеймса, утрачивая расслабленность, как он выпрямился, расправил плечи. Она не сдержалась и повернула голову, глянула через плечо на мужчину. Изумленный выдох сорвался с губ. Его глаза... Теперь иные. В них застыл ответный вызов, холодная ярость и хищный блеск, такой, как бывает у зверя, когда он сталкивается с другим хищником. Блеск, говоривший сопернику, что свою добычу он отпускать не собирается.

Добычу? Стоп! Что? Эвелин окончательно перестала понимать, что происходит. Наверное, просто дурной сон, который начался с той дурацкой записки и всё никак не закончится.

Адель снова выразительно посмотрела на руку мужчины, на что тот лишь сильнее обхватил Эвелин. Джеймс привел лошадь в движение, без слов намекая, что вынужденная остановка закончена. Магнесса ускорила шаг, чтобы не отставать. Мужчина долго молчал, глядя на попытки Адель бодро шагать в платье по лесной глуши, а потом не выдержал и язвительно поинтересовался:

– Почему отправились на помощь к Эвелин пешком? Это очень долго и можно было не успеть, да и как бы вы помогли добраться своей подруге до города к лекарю?

– Адель не дружит с лошадьми, прямо совсем, – посчитала нужным вступить за подругу женщина и тут же прикусила язык, сожалея. Всё-таки она была похожа на сестру сильнее, чем думала. Тоже говорила за других, когда не просили.

Магнесса не ответила, шла рядом и смотрела только вперед. Больше никто разговоров не возобновлял. У дома Адель Джеймс помог спуститься воительнице.

– Дальше мы сами, – отрезала магнесса и взяла подругу под руку, повела за собой, давая понять, что присутствие слуги больше не требуется.

Эвелин обернулась и бросила благодарный и вместе с тем извиняющийся взгляд на мужчину.

– Спасибо, Джеймс, – женщина улыбнулась.

– Выздоровливай, Эвелин, – тихо проговорил слуга на прощание.

В доме Адель усадила подругу на кровать, сбегала на кухню, поставила кипятиться воду и тут же вернулась, принялась снимать с Эвелин одежду, возмущенно выговаривая:

– Джеймс? Просто Джеймс?! Не отец? Не слуга? Ты с ума сошла? Это вообще что такое?

От её напора воительница растерялась и не сразу нашлась что ответить, но Адель мало интересовали её доводы.

– Ты должна держаться от него подальше! Он разобьет тебе сердце! – эмоционально продолжила магнесса.

– Какое сердце? Что ты такое говоришь? – выпалила Эвелин. Растерянность перешла в искреннее изумление.

– О твоих чувствах, которые написаны у тебя на лице, когда ты смотришь на него! Я всё видела! Дорога была длинной! – Адель злилась, что было странно само по себе, не говоря уже про речи, которые та вела, ставя Эвелин в тупик.

– Ты пьяна что ли? Какие чувства? Адель! Это уже несмешно! Я знаю его всего два дня!

– Для того чтобы полюбить человека всем сердцем, необязательно знать его годы, порой хватает одного только взгляда, – уже спокойнее проговорила магнесса и взглянула в глаза Эвелин. – Хватает одного мгновения...

Губы воительницы тронула улыбка. Вспомнился мальчик из прошлого и влюбленное сияние его глаз, предназначенное ей. Наверное, и правда такое бывает.

– Сейчас я уже и не уверена, что моё решение встрять в твои отношения с Рокфорсом было верным, – продолжила ворчать Адель, ловко обрабатывая рану подруги. – Рокфорс хоть и подлец, но мужчина, а не юнец, отдавшийся во власть религии!

– Перестань! Я запрещаю говорить тебе на эту тему! – разозлилась Эвелин и сжала запястье подруги, отодвигая от своего раненого плеча.

– На какую именно? Про Рокфорса или отца Джеймса? – Адель смело выдержала грозный взгляд воительницы и чуть задрала голову, показывая, что не собирается сдаваться.

– На обе! – отрезала Эвелин, а когда услышала надменный смешок, то добавила уже с прямой угрозой в голосе: – Я совершенно серьезно. Если ты хочешь продолжить общение и нашу дружбу, то больше не будешь поднимать эту тему.

Адель побледнела, карие глаза изумленно распахнулись.

– Ты променяешь меня на пацана? – её голос дрогнул от ужаса.

Это стало последней каплей в полном безумии дня. Эвелин вскочила с кровати, теряя и без того пошатнувшееся самообладание.

– Что ты несешь?! Чокнутая! – закричала воительница. – Ты моя подруга! А он... а он... Он человек, который нравится моей сестре и за которого она твердо намерена выйти замуж! Просто случайный знакомый! – горло сдавил спазм, уговаривая поддаться слабости и заплакать. Снова. Эвелин схватила остатки своей одежды. – Да пошли вы все!

Она не сделала и пары шагов, как Адель обхватила её и прижалась к спине.

– Прости меня, – зашептала магнесса. – Я так сильно испугалась, когда прибежала Лесли... – она заплакала. – Её шерсть была в крови... Я подумала, что тебя уби-и-или... Что бы я тогда делала без тебя? – она шумно всхлипнула. – Не уходи-и-и... Я больше не буду говорить о нем... о них обоих.

Хоть злость всё ещё клекотала внутри, Эвелин выдавила из себя «хорошо» и вернулась на место. Адель уселась рядом, смиренно потупив взор, и продолжила перевязку.

– Ты надела браслет, – сказала Эвелин, чтобы развеять воцарившееся напряжение от их первой ссоры.

Магнесса посмотрела на свой широкий браслет, украшенный причудливыми волнистыми узорами, и презрительно скривилась.

– Без него я способна показывать лишь фокусы, боевая магия мне доступна только с посохом, коим эта проклятая штука и является.

– Он достаточно красивый. Почему не любишь его?

– Это как оковы... ошейник, понимаешь?

Эвелин не понимала.

– У воина есть меч, у мага – посох. Что не так?

– Не сравнивай! Магии не нужны проводники. Стихия подчиняется воле только человека с даром. А получается без браслета, который становится посохом, мы лишь подделка... Я хочу управлять водой, как это делает Магистр!

– О-у-у-у, – весело протянула Эвелин. – Да ты у нас амбициозная девочка! Загнула так загнула. Захотела величие Магистра.

– А почему нет? – проворчала Адель. – Да и не девочка я уже давно. Я старше тебя. Люди с даром живут дольше обычных, поэтому я так молодо выгляжу.

– Создатель! Вот это откровение! Черт возьми, как много я всего не знаю о тебе. Признавайся, какие тайны ещё хранит твоя прелестная головка?

Адель смутилась и замолчала, сделала вид, что очень занята уборкой микстур и мазей после обработки раненой.

– Я пойду приготовлю нам с тобой что-нибудь на ужин, а ты отдыхай, – произнесла она после паузы и направилась к двери.

– Лесли...

Магнесса закатила глаза к потолку и проворчала:

– Я посмотрю, не ранена ли она, накормлю и закрою в сарае.

– Спасибо, – улыбнулась воительница.

– Просыпайся, дорогая, завтрак уже готов, – мелодично проворковала Адель, заглядывая в комнату.

– Уже? – сонно буркнула Эвелин и попыталась приподнять голову с подушки. Безрезультатно. – Черт! Чем ты меня там поишь в своих колбочках?

– Восстановительным зельем, оно обладает и снотворным эффектом, – ответила магнесса уже с кухни.

– Значит, надо прекращать его пить, у меня дела... мне нужно найти любителя юных дев и веревочек...

– О чем ты? – встрепелась Адель, снова заглядывая в спальню и с тревогой смотря на подругу.

– Забудь... Неважно. Скажи лучше, чем там так вкусно пахнет?

– Оладьи.

– О-о-о-о...

Эвелин сползла с кровати, кое-как выпрямилась, завернулась в одеяло и прошлепала босыми ногами в кухню. Травяной чай, разлитый по чашкам и источающий легкий пряный аромат, будоражил. пышные румяные оладьи манили. Блюдце с вареньем радовало душу. Ваза с цветами добавляла уют. И кресло, которое всегда ждало её. И всё это приготовила не она сама. Идеальное утро.

Адель с умилением наблюдала, как ест подруга, периодически подкладывая ей в тарелку добавки. Эвелин блаженно улыбалась, чувствуя себя словно заново рожденной.

– Я, когда бываю у тебя дома, отдыхаю душой. В такие дни мне кажется, что я вернулась домой к маме, – с теплотой в голосе проговорила воительница. – Спасибо.

Искренний комплимент не обрадовал магнессу, улыбка сошла с её лица, и Эвелин поспешила спросить:

– Я что-то сказала не так?

– Нет, – встрепелась девушка, – все нормально, я рада.

Эвелин неопределенно пожала плечами, не желая портить утро домыслами, съела ещё парочку оладий и сыто откинулась на спинку кресла.

– Вот теперь можно возвращаться, – лениво проговорила воительница.

– Как возвращаться? Тебя вчера ранили! Тебе нужно несколько дней покоя! Оставайся.

– Я – кайми. У нас довольно быстро восстанавливается тело после физического урона. К тому же я намерена взять с собой твои дивные микстуры, – при виде того, как сникла Адель, женщина добавила: – Я бы очень хотела остаться, но у меня срочные дела, которые, увы, нельзя отложить.

Во дворе залаяла Лесли. Подруги переглянулись.

– Ждешь кого-то? – удивленно спросила Эвелин.

– Нет, – ответила девушка и недовольно поджала губы.

Адель взяла с полки свой браслет и надела на руку, подошла к окну.

– Что он здесь забыл? – зло пробормотала магнесса.

Эвелин приковыляла к подруге и тоже глянула в окно. Во дворе дома стоял Джеймс и гладил бегающую возле него собаку. Губы воительницы против воли растянулись в радост-

ной улыбке. Служитель заметил женщину в окне, учтиво кивнул, приветствуя. Эвелин могла поклясться, что уголок его рта дрогнул, сдерживая ответную улыбку.

Воительница плотнее завернулась в одеяло, быстро окинула себя взглядом, внимательно следя, чтобы ничего не выглядело более дозволенного, прошла к двери, вышла наружу.

– Я подумал, что ты захочешь вернуться домой, – сразу сказал Джеймс, отбрасывая обмен приветствиями, – поэтому привел с собой твою Ласточку.

– Спасибо, – искренне поблагодарила она.

Надо было уйти в дом и переодеться, но она стояла и смотрела на него. На Джеймсе сегодня снова не было одеяния служителя. Обычная одежда. Обычная? Нет. Отлично сидящая, подобранная со вкусом, элегантная. Темная. Придавала таинственности и серьезности. Ему шло.

В его глазах сияли искорки веселья и восхищения. Его взгляд скользил по её растрепанным волосам, по заспанному лицу, по фигуре, которую она завернула в большое одеяло, по босым ступням, выглядывающим из-под висящей ткани. Когда Эвелин вдруг чихнула, он не сдержался и открыто улыбнулся.

– Подожди меня, я сейчас, – немного оторопело сказала воительница, на секунду залюбовавшись его улыбкой.

Джеймс спохватился, подошел и отдал ей сумку.

– Твои вещи, – пояснил он. – Кассия беспокоилась о тебе: она тоже видела, как ты вчера умчалась – поэтому мне пришлось рассказать о произошедшем. А с утра, когда забирал Ласточку, попросил собрать тебе вещей. Те, что были на тебе вчера, наверняка пришли в негодность.

– Спасибо, – снова сказала Эвелин, благодарно улыбнулась и взяла сумку.

Дома её встретил раздраженный взгляд Адель.

– Почему не предупредила, что он тебя заберет? – упрекнула её подруга.

– Я и сама не знала, – ответила Эвелин, не обращая внимания на тон Адель. – Но он молодец! Предусмотрел! Пешком это был бы бесконечно долгий путь. И вещей принес!

Проходя мимо зеркала, воительница мельком глянула на себя. Да уж... Красавица. Лицо в каких-то ссадинах, которые прилетели ей вчера при падении с лошади. Волосы спутались и выглядели крайне неряшливо. Да и сама кожа была бледнее обычного, сказывалась большая потеря крови. Где-то внутри стал прогрызаться червячок сожаления. Хотелось предстать перед Джеймсом в более лицеприятном виде.

– Какая разница, – тихо сказала сама себе Эвелин и поковыляла в спальню одеваться.

Магнесса хоть всем видом и выражала своё недовольство, но снарядила её сумкой с лекарствами и дала подробные указания, когда какие пить, вышла провожать.

– Вам разве не нужно быть в обители и читать проповедь? – язвительно спросила магнесса вместо приветствия.

– Нужно, – невозмутимо сказал он.

– Так что же вы здесь забыли?

– Эвелин, – ответил Джеймс, смотря магнессе прямо в глаза.

Обстановка стремительно накалялась, приводя в недоумение воительницу. Адель и Джеймс не знают друг друга, из-за чего тогда такая взаимная неприязнь? Грубость подруги и странные ответы служителя... Вот уж точно полные безумия дни...

– Я поеду, – произнесла Эвелин, прерывая их гляделки.

Адель опомнилась, подошла и крепко обняла.

– Береги себя, – прошептала магнесса. – Мой дом всегда открыт для тебя.

– Аналогично, – Эвелин неуклюже похлопала её по спине, не любила открытое проявления чувств, особенно при свидетелях.

Джеймс помог Эвелин забраться на Ласточку, потом подошел к своей лошади и легко вскочил в седло. Воительница напоследок махнула рукой подруге, позвала Лесли и направилась в сторону Кравина.

Обычно она за городом перемещалась на лошади быстро, но утро было чудесным, на душе легко и радостно – это состояние хотелось продлить.

– А разве можно оставлять обитель с утра? – спросила она у ехавшего рядом Джеймса.

– Обычно нет. Но у меня было важное дело, и пастор Демьян отпустил меня, – он повернул к ней голову. – Тебе значительно лучше, я рад.

– Да. Всё зелья Адель, – довольно улыбнулась Эвелин, – не знаю, чтобы я без неё делала. Она мой личный ангел-хранитель. – Джеймс криво усмехнулся, но сразу же спохватился и стал невозмутимым. Эвелин успела заметить, захотелось оправдать подругу. – Она обычно так себя не ведет. Наверное, сказалось волнение. Адель очень легкая в общении и отзывчивая. Думаю, со временем вы подружитесь.

– Это вряд ли, – скептически произнес служитель.

– Джеймс... – позвала она его через некоторое время.

– М-м-м...

– А как так вышло, что ты решил посвятить свою жизнь Создателю? Веление души?

– Скорее поворот судьбы, – ответил мужчина, а после небольшой паузы добавил: – Хотя в какой-то мере и веление души, но не в общепринятом смысле этого выражения. – У неё были ещё вопросы, но он не дал их озвучить, перевел тему: – Моя жизнь скучна и неинтересна. Твоя же наполнена яркими красками. Расскажи, каково это – быть воительницей, кайми?

– Круто, – сразу же ответила она.

– Просто круто? – он удивился простоте её ответа, явно ожидая глубокие философские размышления.

– Да. Просто круто, – повторила Эвелин.

Они одновременно посмотрели друг на друга. Его изумленный взгляд и её веселый пересеклись. Эвелин засмеялась первой, Джеймс подхватил.

– Эвелин, ты лишаешь мой образ таинственности, – сквозь слезы смеха проговорил мужчина, стараясь успокоиться.

– Прости, – всё ещё посмеиваясь, сказала женщина, – ты выглядел забавно, не сдержалась.

– И всё же, что самое крутое в твоём рискованном деле?

– Власть, – не раздумывая ответила она. – Над собственным телом, над собственной жизнью, да и над чужой, если потребуется. Уверенность, что со всем справишься, – Эвелин снова глянула на него. – А что самое крутое в твоём призвании?

Ответил Джеймс не сразу, очевидно, тщательно обдумывая что сказать.

– Наверное, тоже власть. Но иная. Над помыслами. Над людскими сердцами. Над мотивами. Возможность повлиять.

– Выходит, мы похожи. Нам обоим нравится власть и уверенность, – заключила она.

Когда до неё дошел смысл собственных слов, ей стало жарко. Мысли опять потекли в грешном направлении. Она разозлилась на саму себя. У неё никогда такого не было. Что не так с этим отцом Джеймсом? И что не так с её реакцией на него? Эвелин резко повернула голову в его сторону, злясь и на него тоже. Выражение его глаз не смогла понять. Посчитал ли её слова двусмысленными, или она одна настолько испорченная, что ей везде кажутся намеки?

– Расскажи что-нибудь из забавного в своих путешествиях? – попросил вдруг он.

– О-о-о-о, – обрадовалась Эвелин. Можно отвлечься от собственной глупости. – У меня много таких историй.

– Отлично!

– Самая любимая история эта... Я тогда ещё путешествовала вместе с двумя другими девчонками-кайми, и мы...

Глава 7

Дорога до Кравина прошла незаметно. Стены любимшегося города впервые вызвали у Эвелин выдох сожаления. С ними вернулось то, что разделяло её и мужчину рядом. Он снова стал отцом Джеймсом, человеком, который нравился её сестре.

Эвелин попрощалась с Джеймсом у таверны и поднялась к себе, собиралась сесть и ещё раз перечитать отчеты комиссара о прошлой жертве, но взгляд так не вовремя зацепился за разлегшуюся на прикроватном коврик Лесли. Яркая шерсть собаки приобрела земляной окрас от залипшей там грязи. Застрявшие веточки торчали колючими иголочками, некоторые, особо крупные, Лесли пыталась сама вытащить зубами. Эвелин с обреченным вздохом бросила извиняющийся взгляд на дело об убийстве и проворчала, обращаясь к Лесли:

– Пошли, подруга, будем приводить тебя в порядок. Заодно и меня. А то распугивать начнем народ не воинским духом, а запахом и внешним видом.

Лесли радостно подпрыгнула и закрутилась у ног хозяйки, схватила зубами за край рукава и потянула в сторону ванной. Эвелин засмеялась и послушно поплелась, слегка прихрамывая.

– Чего раньше молчала, что хотела помыться? – весело спросила женщина. – Видишь, хозяйка утратила разум в последние дни? Так помоги! Напомни о себе... Пойдем...

В знак согласия собака несколько раз гавкнула и снова уцепилась за рукав, потирающая.

Водные процедуры плавно перешли в вычесывание колтунов. Лесли не очень любила подобное, но терпела, лишь иногда недовольно ерзала, когда хозяйка слишком сильно тянула за шерсть.

Уход за любимцей принес в душу воительницы покой. Шерсть собаки уже не требовала расчесывания, но Эвелин продолжала водить щеткой по бокам Лесли. Это помогало думать. Две незамужние девушки. Цветы в руках. Аккуратно уложенные тела, принесенные с места убийства. Хорошо бы найти это место.

Рука Эвелин с щеткой замерла. Воительница выругалась, злясь на себя. Похоже, пока она пыталась перестать думать о новом слуге, не думала вообще. Как она упустила это из виду? Надо найти само место преступления! Времени прошло ещё немного, след не должен затеряться.

Эвелин слегка толкнула собаку и поднялась сама.

– Пошли Лесли. У тебя есть работа.

Внизу она встретила нарядно одетую Кассию. Сестра тепло улыбнулась, быстро окидывая взглядом.

– Я знала, что с тобой ничего не случится, но отец Джеймс так волновался, что мне невольно передалось его беспокойство, – сказала девушка.

Из уст Джеймса было прямо противоположное умозаключение, но версии сестры воительница верила больше. Кассия, правда, редко интересовалась, что происходило с сестрой. Эвелин легко могла исчезнуть на несколько дней, и Кассия никогда не волновалась и не начала её искать. Слепо верила в благополучный исход любого похода воительницы, словно та была бессмертной.

– Куда опять так вырядилась? В обитель? – женщина с подозрением посмотрела на Кассию. – Служба закончилась вроде, если судить по времени.

– Знаю, – ответила Кассия и расплылась в счастливой улыбке, – но отец Патрик разрешил мне приходить в обитель в любое время. Он сказал, что всегда рад помощникам. Так что теперь я буду каждый день помогать слугам. Представляешь? Буду работать в церкви и делать благое дело.

– Благое? – Эвелин насмешливо приподняла одну бровь и ехидно хмыкнула.

– Да! – Кассия озорно подмигнула сестре. – И буду целыми днями рядом с Джеймсом. Будет шанс узнать его получше. Да и он увидит, какая я старательная и хозяйственная. Вот, кстати, несу ему обед. Правда, чтобы не вызывать подозрений, поделю его между остальными служителями. Хотя искренне надеюсь, что отец Арнон и отец Патрик уйдут домой пораньше. Всё, я побежала, пожелай мне удачи.

– С твоим настроением тебе не нужна, – иронично сказала Эвелин, скрывая вспыхнувшее раздражение. – В кого ты такая пробивная?

– Угадай, – засмеялась Кассия, поудобнее перехватила корзину, что держала в руках, и бодро зашагала в сторону церкви.

Эвелин качнула головой, стряхивая подступающее негодование, запрещая себе думать о ерунде, наняла свободный экипаж и поехала до старой части города. Тряска добавила раздражение. Проклятое устройство. Верхом или пешком в тысячи раз приятней, для неё, по крайней мере, но ушибленной ногой нужно было время.

Она остановила экипаж, не доезжая до места целый квартал. Нужно пройти пешком и отметить с какого места начинает виднеться тот самый дом, где нашли тело. Заброшенные участки города никогда по-настоящему не бывали заброшенными. На самом деле это магнит для подростков, которые мнили себя смелыми авантюристами, а также искали мистику, выдумывали духов и героически испытывали друг друга на выдержку и храбрость. Найти «смельчаков», которые в тот день были неподалеку, значит найти зацепку, свидетелей.

Но помимо искателей приключений подобные дома зачастую являлись пристанищем бездомных пьяниц. Скорее всего, разбитая бутылка, найденная возле тела, была как раз одного из гуляк. Убийства по пьяни часто случались, но не в этот раз. Слишком... «красиво» что ли было. Продумано. Пьяница бы просто придушил или зарезал, да и бросил труп там, где убил. У Эвелин вырвался смешок. Бросил бы труп, но никак не бутылку.

Итак, надо найти ещё и владельца разбитой бутылки. Очевидно, он был первым, кто обнаружил труп. Комиссар, скорее всего, повесил бы убийство девушки на этого бедолагу, чтобы успокоить общественность и не привлекать внимание столичных властей. С одной стороны, Эвелин была бы рада такому раскладу. Это усыпило бы бдительность настоящего убийцы, позволяя подобраться поближе. А с другой стороны, и пьянчужке неплохо – в тюрьме нормально кормили – отдохнул бы.

Женщина усмехнулась и вспомнила свою первую встречу с Хадвином, которая состоялась через металлические прутья, и душевный разговор со взаимным обменом угрозами. Да уж... Было дело... Сейчас толстяку толком нечего предъявить ей. Но и сама Эвелин теперь старалась сильно не нарываться. Опыт всё-таки хорошая штука. Ну а последующие монетные договоренности и вовсе сделали её с комиссаром почти «друзьями».

Эвелин запомнила номер дома, с угла которого хорошо просматривалось нужное ей крыльцо, и двинулась дальше. Сейчас сидеть в засаде и ждать, пока появятся какие-нибудь любопытные детишки, не было смысла. Белый день. Все приключения начинались с наступлением сумерек. Неоспоримый факт.

Воительница остановилась возле того места, где лежало тело, подозвала Лесли и указала рукой на землю.

– Ищи!

Собака наклонила голову и стала принюхиваться, медленно перемещаясь вдоль участка земли, где лежала убитая девушка.

– Ищи! – повторила Эвелин, отходя чуть в сторону, не желая мешать.

Лесли ещё немного покрутилась у последнего места упокоения жертвы, а потом потрусила в сторону дома и завернула за угол, там и остановилась. Эвелин поспешила следом. Собака

замерла, указывая носом на землю, на которой ничего не было. Сейчас ничего не было. Эвелин догадалась, что Лесли взяла след преступника и тот, очевидно, что-то отсюда забрал.

– Молодец, – похвалила её воительница, – ищи! Вперед!

Лесли снова вернулась к крыльцу и замерла над участком, где раньше лежала жертва. Убийца что-то забрал и принес сюда? Вряд ли это было тело. Может, цветок? В принципе, логично. Не будет же он нести тело, а с ним и цветы. Тем более что вложенная в руку роза не была смятой, выглядела так, словно её бережно срезали с куста. Значит, цветок тоже часть плана? У него есть особый смысл? Это что-то, что пытается передать в своем послании убийца?

– Давай, девочка! Ищи!

Лесли побежала дальше, периодически останавливаясь и принохиваясь. Как подозревала Эвелин, в этих местах мог останавливаться, отдыхать и убийца.

Собака привела её к разрушенной части городской стены, за которой начинался лес. Проем был небольшим, но достаточным для того, чтобы пройти самому и протащить тело.

Эвелин в очередной раз удивилась бесхозяйственности главы города. Центральные районы и улицы Кравина в порядке, идеально вычищены и сделаны, а здесь дыра, прямо в стене, которой наверняка много лет и через которую может пролезть не только любитель мертвых дев, но и обнаглевший от вседозволенности монстр. Когда-нибудь так и случится. Целый город ходячей еды и любезно оставленная брешь для входа – как можно пройти мимо?

Лесли пробежалась вдоль стены в сторону жилых кварталов, потом вернулась к прорехе в стене, проскользнула в лес и прибежала обратно.

– Убил в лесу, а вернулся потом по улицам города, – вслух проговорила себе Эвелин, пытаясь определиться. В этом месте развилка для Лесли. Можно пойти по раннему следу, который наверняка приведет её к месту преступления, а можно проследовать по пути отступления.

Воительница махнула рукой и подтолкнула собаку, указывая направление.

– Ищи!

Их перемещение было недолгим. Лесли потеряла след сразу, как начались жилые кварталы. Собака растерянно бегала по улице в попытке уловить в многообразии запахов нужный ей. Эвелин расстроено скривилась. Хорош, подлец! Она и сама бы так поступила, затерялась среди людей. Эти районы очень густонаселены. Какие тут только типы не ошивались.

Воительница подозвала собаку и вернулась с ней к проему в стене, направила по более старому следу. Но и тут их путь был недолгим, всего с десятков метров. У одного из деревьев Лесли замерла и тоненько заскулила.

Эвелин стала осматривать место преступления. Следы от обуви, явно женской, указывали на сопротивление и попытки вырваться. Воительница присела рассмотреть, коснулась взрыхленной земли. Воссоздать картину в воображении было просто.

Лесли снова заскулила и царапнула лапой ствол дерева. Эвелин подняла голову вверх.

– Твою ж ты мать... – вырвалось у воительницы.

На высоте уровня глаз человека ствол дерева был перевязан довольно толстой веревкой, которая не давала упасть уже завявшей красной розе, прикрепленной к шершавой поверхности коры...

Сообщать о найденном месте преступления Эвелин не спешила, ей ни к чему снующие здесь люди комиссара. Сперва надо присмотреться к завсегдатаям этого района. Прогулявшись ещё немного по округе и помучив Лесли попытками выследить перемещения преступника, воительница вернулась к примеченному ранее месту и поудобнее расположилась, приготовившись к долгому ожиданию. С её позиции хорошо просматривался нужный дом, а заодно и близлежащая округа. Чтобы Лесли раньше времени не выдала её, Эвелин приказала быть рядом и для верности положила свою руку на спину собаки.

Несколько часов ожидания не утомляли, так как были привычны обоим: и человеку, и собаке – порой приходилось долго поджидать свою цель. Лесли и вовсе задремала, подскакивая, только когда на улице появлялся какой-нибудь прохожий. Эвелин же надеялась, что отсидевшись здесь придется не каждый день.

Удача была на её стороне. Едва солнце начало прятаться, появились четверо подростков, на вид лет четырнадцати. Три парня и девчонка. Эвелин криво усмехнулась. Да, время самое подходящее. Полумрак уже будоражил воображение, добавляя остроты неприятному заброшенному месту, но при этом не нервировал родителей, ведь ещё не слишком поздно и неудобные вопросы задаваться не будут. Хотя, если судить по внешнему виду подростков, они из таких семей, где родители не сразу заметят отсутствие своих чад.

Подростки расположились неподалеку от дома, где нашли тело, достали принесенную с собой бутылочку, явно собираясь вкушать взрослой жизни. Подкрасться к ним не получится, поэтому Эвелин вышла из-за укрытия, на ходу громко предупреждая:

– Бежать нет смысла, мой пес вас догонит.

Но, к её удивлению, никто и не собирался этого делать. Они лишь поднялись с земли и молча ждали приближения воительницы.

– Я хотела поговорить, – сказала Эвелин.

Один из парней вышел вперед, дерзко тряхнул своей темной кудрявой шевелюрой, скрестил руки на груди, посмотрел смело в глаза.

– Один золотой, – четко проговорил юноша.

Эвелин от такой наглости аж задохнулась на мгновение.

– А не многовато? Я запросто могу тебе шею свернуть и мне за это даже ничего не будет, поэтому давай договариваться по-хорошему, – ядовито сказала воительница.

– Вам же нужно узнать, не видели ли мы чего в день убийства, а это стоит монет, – дерзко ответил он, тщательно скрывая свой страх. Остальные в его компании стали аккуратно пятиться назад на случай, если незнакомка и правда захочет узнать информацию силой.

– Пять серебряных, – предложила Эвелин.

– Мало. Прошлый раз нам больше дали.

– Кто-то ещё спрашивал?

– Это тоже стоит монет.

Эвелин возмущенно фыркнула. Ну и молодежь пошла! Ни страха, ни совести!

– Двадцать серебряных, или я узнаю информацию по-другому. И поверьте, вам не понравится.

– Крис, – прошептала стоящая сзади девчонка, дергая его за рукав. Выразительно посмотрела в его глаза, когда он обернулся. Парень недовольно скривился, но заговорил:

– Монеты вперед. – Он подождал, пока Эвелин отсчитает кругляшки, проверил каждую и спрятал к себе в карман. – В тот день мы сюда не приходили, – при виде того, как вспыхнули от злости глаза женщины, Крис поспешил добавить: – Но накануне ночью здесь был Мик со своей компашкой.

– Где найти?

– Первая улица от пристани, восьмой дом справа. Не ошибетесь. Да и спросить можно у прохожих. Мика все знают.

– Кто ещё спрашивал про это?

– Мужчина. Вчера приходил.

– Как выглядел?

– Обычно.

– Не зли меня.

– А я и не злю. Обычный. Высокий. Волосы темные.

– Возраст? Как был одет?

– Послушайте, тетенька, нам неприятности ни к чему. Мы рассказали всё, что могли, да и он заплатил за наше молчание. Поэтому большего сказать не можем.

Эвелин сразу отмела посетившую её ранее мысль. Платить за молчание им бесполезно. Всё равно растрепят. Выведать больше? Припугнуть комиссаром? Или притащить их туда силой? А смысл? Только всполошить раньше времени Мика, да и поставить их жизнь под угрозу.

– Слушайте внимательно, – серьезно сказала она, – вашу жажду монет понимаю, сама такая, но человек, который убил ту девушку, на свободе, и если он узнает каким-то образом, что вы что-то видели... или видел Мик, то договориться не получится. Вы же понимаете? Вас найдут в канаве, и комиссару будет плевать, он просто замнет это дело, как и всегда, – она обвела их взглядом. По испуганным лицам детей было понятно, что такой поворот событий они не рассматривали. – Повторю для тех, кто не понял, о чем я. Он прирежет вас, чтобы вы случайно не взболтнули лишнего. Поэтому не появляйтесь здесь больше и забудьте про Мика.

Они энергично закивали и бросились наутек. Эвелин смотрела им вслед и мысленно попросила Создателя пощадить юные жизни, надеясь, что её слова не окажутся пророческими.

– Пойдем Лесли, навестим этого Мика.

Эвелин не любила этот квартал, пропахший рыбой, потом работающих здесь рыбаков и грузчиков, а по ночам являющийся местом обитания воров и шлюх. Пристань во все времена жила своей жизнью, вне общего уклада Кравина. И тем не менее, именно отсюда чаще всего и поступали заказы для неё. Сомнительные, но щедро оплачиваемые. Моральная сторона задания тоже волновала воительницу, откровенные разбои не жаловала, хотя кое-чем могла и поступиться.

Пришвартованные лодки размеренно покачивались на воде, поскрипывая. Возле некоторых из них стояли огромные грузовые ящики и бочки, ожидая утра. Соглашения, достигнутые после окончания войны, сделали Кравин главным перевалочным пунктом для товаров из соседней империи Азуриан и обеспечили непрерывной работой сотни людей, которые доставляли теперь груз по реке. Это особо не отразилось на благосостоянии работников пристани, зато озолотило руководство города и начальников складов.

Груз из Азуриана доставлялся в Кравин караванами, а уже оттуда по реке в главные города королевства: Дланию, Иллию, Треканию. Эвелин как раз проходила мимо ящиков из империи. Вот умели же: аккуратно сколоченные деревянные доски, пропитанные специальным составом, чтобы лучше сохранить груз, запечатанный внутри; гербовые печати, указывающие к какому дому принадлежит сей товар. Доботно. Качественно. Это приходило на ум. Не знаешь, что внутри, а уже хочется купить. Эвелин усмехнулась, последние годы дела королевства шли в гору, но до империи им все же ещё далеко.

Её фигура привлекала внимание. Полуголые девицы, дурно пахнущие ядовитым запахом дешевых духов, призывно проводили руками по своим прелестям, приглашая заглянуть к ним в заведения. Портовые грузчики, отдыхающие от очередной разгрузки, пускали клубы дыма и с неприязнью смотрели ей вслед. Вымотанные за день рыбаки, разбредающие по домам, презрительно фыркали: место женщины на кухне у плиты, а не с мечом за спиной на причале.

Нужный дом нашла быстро. Света в окнах не было. Значит, хозяева ещё не вернулись с работы. Эвелин спряталась за поворотом в тени, подперла плечом стену дома и приготовилась ждать. Рослый, угловатый темноволосый юноша появился спустя час. Ноги его устало заплетались, периодически цепляясь за неровности дороги.

– Жди здесь, – прошептала Эвелин Лесли и вышла из-за укрытия.

Парень её не сразу заметил, очнувшись, только когда она остановилась у него на пути. Ей в нос ударил стойкий запах протухшей рыбы. Работник склада, не иначе. Эвелин отступила на шаг, чуть смещаясь в подветренную сторону.

– Мик?

– Да. А что надо? – поднял он на неё свои измученные глаза.

– Поговорить.

– Мне не о чем с вами говорить, – буркнул парень и направился к двери своего дома.

– А мне кажется, что есть, – Эвелин перегородила ему дорогу.

Он воровато осмотрелся по сторонам, проверяя, не видит ли кто, и ответил:

– Хорошо. Только быстро. Скоро вернутся родители.

Мик выудил из большого промасленного кармана ключ от двери, повозился немного с замком, что от старости не хотел сразу поддаваться, и пропустил воительницу вперед. Свет зажигать не стал. Остановился посреди комнаты и уставился на незваную гостью.

– Накануне убийства ты был возле того дома, где нашли девушку, – перешла сразу к делу Эвелин.

– Крис, – процедил сквозь зубы парень, – вот трепло! – он окинул её возмущенным взглядом и сказал: – Я говорил мужику, что приходил до вас, отвечу и вам! Я ничего не видел. Да, я был там, стащил у отца бутылку и пил с ребятами! Никого не было и ничего не происходило!

И можно было бы поверить, но последнее было сказано с надрывом, слишком эмоционально для человека, который и правда ничего не видел.

– Я обещаю тебе, что всё, что ты скажешь, останется между нами. Я смогу тебя защитить в случае неприятностей.

– Как вы защитили Фаррелов? – с горькой иронией произнес он, а при виде её удивления разозлился: – Да, я знаю кто вы. Вы кайми Эвелин Хэндар! Фаррелы заплатили вам за защиту! И вы пообещали! А что в итоге? Дайру изнасиловали! И пообещали убить, если её родители не продадут свой магазин людям Бруно! Хороша защита! – слезы заструились по его щекам. – И Фаррелы сделали это, и теперь увозят мою Дайру в другой город! Они переезжают! А всё вы! Из-за вашего вмешательства! Вы дали им ложную надежду! Убирайтесь! – последнее он уже закричал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.